

Падший Ангел

Kristen G

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Kristen G

Падший Ангел

<https://litres.ru/74046896>

SelfPub; 2026

Аннотация

Падший ангел

Kristen G

Она смотрела на его портрет и не знала кто это.

Он смотрел на неё через камеру и уже знал всё.

Шоубизнес — грязная игра. Здесь свои же улыбаются в лицо и втыкают нож в спину с той же лёгкостью. Здесь всё продаётся. Все предают. И никто не выходит чистым.

Константин знал эти правила наизусть. Жил по ним. Был частью этой машины.

Анжи об этом даже не догадывалась.

Она думала, что он займётся треками.

Константин выбрал другой вариант — разбирать её. Тщательно, с каким-то особым наслаждением.

Продюсер и певица. Страсть которая не спрашивает удобно ли. Война которую называют любовью. И притяжение от которого не спасает ни здравый смысл, ни чужие предупреждения, ни всё что поставлено на кон.

Добро пожаловать в шоубизнес, детка.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	23
Глава 3	34
Глава 4	40
Глава 5	62
Глава 6	85
Глава 7	99
Глава 8	109
Глава 9	124
Глава 10	131
Глава 11	140
Глава 12	149
Глава 13	170
Конец ознакомительного фрагмента.	180

Kristen G

Падший Ангел

Пролог

Да, мы любили друг друга.

Да — это была красивая любовь.

Но самое страшное в любви — молчание.

Самое большое предательство — молчание.

Самый тяжёлый грех — молчание.

Любили так, что вместе не выжили.

Меня зовут Анжи, и я расскажу, как вырывают крылья.

Мы ехали в машине. Дорога тянулась бесконечно, а ожидание прожигало изнутри.

За окном медленно проплывали серые, тяжёлые дома, которые годами стояли, не шелохнувшись. Им было всё равно, кто проезжает мимо и чья судьба прямо сейчас решается в одной из этих машин.

По коже бегали мурашки, живот сводило, будто я не ела пару дней. Сердце то замирало, то бросалось в галоп от ощущения, что я еду на вынесение себе приговора.

Просто знакомство. Знакомство с ним. С человеком, чьё имя в этом городе знали почти все, кто хоть как-то интере-

совался музыкальной индустрией.

Владелец сети студий. Наследник империи громких музыкальных проектов. Музыкант. Продюсер. Тот, о ком говорили шёпотом и вслух, по-разному, но всегда — с интересом.

Я так много слышала о нём. Истории, слухи, сплетни — музыканты пересказывали их друг другу с придыханием и блеском в глазах. Но я никогда его не видела и даже не знала, как он выглядит.

Наверное, я должна была подготовиться: перед встречей зайти в интернет, открыть его аккаунт, почитать статьи, где наверняка есть его фотографии.

Я мысленно отругала себя за свою неподготовленность.

Для меня он был не человеком, а ощущением власти. Набором чужих воспоминаний и легенд. Фигурой где-то «там, наверху» — недостижимый, немного нереальный.

И сейчас я ехала на личную встречу с ним.

Меня словно разрывало на две половины.

Одна — воодушевлённая, польщённая, почти счастливая: «Он хочет со мной познакомиться. Со мной. Значит, я чего-то стою, правда?»

Другая — настороженная, недоверчивая: «Почему я? Зачем? Что вообще всё это значит?»

Я прекрасно знала, что ждёт меня там.

Просторный холл в светлых тонах. Высокие потолки, под которыми гулко отзываются шаги. Гладкий пол, по которому каблуки стучат чуть громче, чем хотелось бы.

Напротив — стойка ресепшена и высокая светловолосая девушка с приятным голосом. Она улыбнётся и спросит, чем может помочь. Я, как всегда, отвечу:

— Спасибо, я в студию.

Взгляд по привычному маршруту скользнёт по идеально начищенной до блеска лестнице наверх. Ступени чуть стёрты по центру — по ним прошли сотни ног, спешащих к своей музыке и своим шансам.

Ещё одна дверь с чёрной надписью: «Konstant Studio». За ней — совсем другой мир.

Внутри воздух кажется плотнее. Где-то глухо бьёт бас, из другой комнаты доносится вокал. Смех, свист, обрывки мелодий смешиваются с запахом кофе и чуть перегретой аппаратуры.

Белоснежный холл встречает ярким светом. Белые стены, как чистый лист, уже исписаны следами: гитары с автографами в чёрных рамках. Какие-то — почти новые, другие — с поцарапанным лаком и потёртыми грифами, с историей, буквально привинченной к стене.

Направо — сердце студии. Коридор со звукоизолирующими дверьми: за одной репетируют, за другой пишут вокал. Красные и зелёные лампочки мигают, как маленькие светофоры: «занято», «идёт запись», «можно войти».

Где-то отстукивают ритм барабаны — ровно, как чужое сердце.

Из коридора выходишь в основной холл — зону ожида-

ния, остров тишины в этом контролируемом хаосе.

Здесь стены уже не белые, а живые: чёрно-белое граффити растекается по ним, как мысли на полях. У дальней стены — два широких лофт кресла в серой ткани и низкий зеркальный столик с журналами, старыми афишами и забытыми кем-то пропусками на концерты.

А напротив висят фотографии. Его фотографии.

Чёрно-белые кадры в строгих рамках, выстроенные ровной линией. Лица, силуэты, руки на грифах гитар, профили в полутени. Серии чужих историй, застывших на глянце.

И среди них — один снимок, к которому я всегда возвращалась.

Мужской профиль, выхваченный светом из тени; сильная шея, линия плеч, обнажённый торс. Свет мягко стекает по коже, как тёплая вода, подчёркивая каждый изгиб, каждое напряжение мышц.

На этом фото его лица почти не видно. Но именно оно всегда казалось мне самым честным. И самым опасным.

Я никогда не видела его полностью — ракурс и тень прятали глаза, оставляя только линию губ и ощущение холодного спокойствия. Может быть, в этом и было всё притяжение: недосказанность, полтона, чувство, что в кадре есть что-то, чего я пока не могу понять.

Иногда я медленно проводила пальцами по стеклу, обводя размытый контур ключиц и шеи, ловила себя на том, что задерживаю дыхание. И каждый раз одёргивала руку, убеж-

дая себя, что это просто красивая фотография, одна из многих. Но стоило отойти — я чувствовала на себе его невидимый взгляд. словно человек с фотографии знал обо мне больше, чем должен. Тогда мне казалось, что это всего лишь моя фантазия, наваждение — пока я однажды не узнала, что он и правда наблюдал за мной, изучал — терпеливо и неотрывно, как хищник за добычей.

Я уже была здесь. Я любила эти стены, этот запах кофе, железа и ощущение, что ты в центре всего мира. Любила ночи, проведённые в этой студии: когда засыпаешь под гул барабанов из соседней комнаты и просыпаешься от взрыва смеха слегка пьяных музыкантов, спорящих о чём-то до хрипоты.

Слишком многое было связано с этим серым зданием: мои первые деньги, первые провалы, первая вера в то, что у меня что-то получится. Я знала, что ждёт меня за этой дверью, но не знала — кто.

Тогда я чувствовала, что еду на встречу с человеком, который изменит мою жизнь. Но я не знала, что он окажется из тех, кто её ломает.

Глава 1

Анжи

Меня всегда пугали моменты, после которых уже нельзя сделать вид, что всё «как раньше». До них ещё можно отступить, отшутиться, закрыть дверь и сказать себе: «Показалось». После — уже нет.

Сейчас я сидела в чёрном люксовом Audi рядом с Эдрианом и очень старалась не думать о том, что именно к такому моменту мы и подъезжаем.

Разумеется, не думать. Лучший способ — просто заикнуться на этой мысли и повторять её про себя каждые десять секунд. Работает безотказно. Мозг паниковал, но приличия соблюдал. Красиво, почти по-деловому.

Он сидел рядом, смотрел вперёд. Спокоен, собран — как будто везёт меня не к человеку, который может перевернуть всё, над чем я жила последние годы, а в ближайший торговый центр за новыми кроссовками.

Ему бы ещё пакетики с логотипом в руки — и картинка будет совсем завершённой.

Высокий, подтянутый. Чёрные джинсы, серая футболка, тёмный бомбер — всё сидит так, словно вещи сначала про-

шли кастинг, а уже потом попали в его гардероб.

На запястье — лаконичные часы, те самые, на которых времени всегда чуть меньше, чем нужно. Очень в его стиле: всё под контролем, даже ощущение вечной спешки.

На пальцах — серебряные кольца, узоры которые я уже успела выучить, пока он в студии размахивал руками и с азартом рассказывал о новых PRпроектах.

Да, конечно, Анжи, ты слушала исключительно про KPI и охваты. Как же иначе. Главное — делать вид, что тебя заводят цифры, а не то, как двигаются его руки. «Анжи, ваш личный KPI на сегодня провален: вы снова смотрели не туда».

Светлые волосы, короткая стрижка — тот самый стильный ёжик, который, к несчастью для окружающих, ему безусловно шёл. Идеально. Как кто-то задал фильтру: «Собери-те мне, пожалуйста, мужчину, который будет раздражать одним фактом своего существования».

Слева на шее, из-под воротника, выбегали тонкие чёрные линии татуировки — корни дерева, уходящие вниз, к груди. Создавалось впечатление, что они вращались в него, как что-то тёмное однажды проросло изнутри, и он так решил это там оставить.

На левой кисти — шрам в виде полумесяца. Неровный, с поблёкшими краями, словно разбитый нимб. Когда-то, возможно, целый и сияющий, теперь — треснувший, чуть перекошенный. Я в который раз поймала себя на том, что смотрю

именно на него. Не на лицо, не на татуировку с корнями, а на этот странный, некрасивый полумесяц, в котором, казалось, собрано всё то, что он не проговаривает вслух.

Забавно, что именно этот шрам потом будет стоять у меня перед глазами, когда я буду пытаться объяснить себе, где всё пошло не так.

Его звали Эдриан Лойд. Для всех — Эдриан. Для меня — Эд.

Я даже не сразу заметила, когда это сокращение стало звучать у меня в голове естественно. Сначала оно просто соскользнуло с губ — быстро, почти небрежно, без права на особый смысл. А потом оказалось, что после одной-единственной «Эд» между нами стало чуть меньше воздуха. Не опасно близко. Но уже и не безразлично.

Короткие имена — это, как приоткрытая дверь: ногу ещё не поставила, но уже оценила, как там внутри.

В какой-то момент я поймала себя на том, что смотрю не на его профиль, не на линию шеи, а всё на тот же шрам. Как на точку, с которой могла бы начать его разгадывать, если бы вдруг решила перейти границы дозволенного. Пока что — не решила.

Обычно с ним было легко и почти по-домашнему. Но сейчас я чувствовала его присутствие сильнее, чем ремень безопасности, врезающийся в ключицу. Он молчал. И это молчание казалось тяжёлым, аккуратно выверенным — как будто он тоже что-то считал в голове и очень не хотел ошибиться.

ся.

Он ухаживал за мной. Это не требовало особых интерпретаций. Писал, звонил, шутил. Оказывался в студии ровно тогда, когда кофе заканчивался, а я уже собиралась признать поражение перед собственным текстом. Приносил мелочи — книжку: «вроде бы тебе может быть интересно», шоколадку: «ты же сегодня ещё ничего не ела, да?». Ничего демонстративного, никаких букетов на весь офис. Внимание, поданное в мягкой, почти незаметной упаковке.

Его забота не давила. Она просто подстраивалась под меня — тёплая, тактичная, с той самой дистанцией, на которой уже небезразлично, но ещё можно сделать вид, что это просто «очень хороший партнёр по бизнесу». Я давно перестала обманываться. Но привычка держать лицо — никто не отменял.

И именно он сейчас вёз меня на эту чёртову встречу с Константином. К человеку, после которого мы уже не смогли бы остаться прежними: ни я, ни мои песни, ни, возможно, и сам Эд.

Почему он посадил меня в эту машину сам? Если я ему нравлюсь — зачем подталкивать к другому мужчине? Если я ему не нравлюсь — зачем тогда все эти месяцы были: его вежливость, мои песни или наше обоюдное бегство от прямых формулировок?

Я не задавала ему этих вопросов вслух. Во-первых, в дороге не принято устраивать допросы. Во-вторых, честность

— роскошь, и тратить её впопыхах, на светофоре, было бы просто невоспитанно.

Когда-нибудь потом я ещё не раз вернусь к этому дню и к этой поездке. К его сжатым губам. К слишком спокойному голосу.

Я буду разбирать этот момент, как сложный узор: где его мотивы, где моя проекция, а где — голый страх что-то потерять, так и не успев этим толком воспользоваться.

А пока я просто тихо сидела в машине, смотрела вперёд и слушала, как в висках глухо стучит пульс, как шины мягко шуршат по дороге. И пыталась аккуратно, по одной, вытягивать свои мысли — давно живущие на пределе и сегодня явно настроенные этот предел переступить.

И, разумеется, мой мозг не нашёл ничего более важно-го, чем выбрать самое «подходящее» воспоминание — наше первое знакомство с Эдрианом.

Это было на какой-то шумной вечеринке, где музыка уже ничего не решала, а алкоголь решал слишком многое. Он тогда долго расспрашивал меня о песнях, о группе, о том, почему я так упрямо пою только своё.

Диджей гнал один и тот же бит, бас бил в грудь, чьи-то голоса сливались в крик, пахло дорогим виски и сладкими коктейлями. Группа, ради которой всё это якобы собиралось, уже давно никому была не интересна: они играли в углу, а все остальные играли сами с собой.

Я сидела у барной стойки и заливисто смеялась над шут-

кой весьма привлекательного бармена с шикарнейшей шевелюрой. Он уже был почти в моей власти: оставалось только включить мой фирменный взгляд — и можно было бы снимать сливки вечера. Кстати, это был уже пятый стакан, который я пила за счёт заведения. Неудивительно, что вся эта атмосфера пьяных смазанных взглядов совсем не вызывала у меня отвращения.

В таком почти прозрачном золотом платье из пайеток, которое еле держится на тоненьких бретельках и вот-вот готово сползти с груди, трудно чувствовать себя иначе. Под ним — только чёрные ажурные трусики «на особый случай» и подол, едва прикрывающий мою пятую точку.

Платье цепляло свет со всех сторон, каждая вспышка прожектора прилипала ко мне, так словно я и правда центр этой вселенной. Высокие каблуки, красная помада, стрелки, идеально выведенные чёрным лайнером, и лёгкий запах духов — смесь бергамота и дыма.

Исходя из всего этого, я совершенно закономерно чувствовала себя королевой вечера.

Иногда легче быть королевой на пару часов, чем думать и решать одни и те же вопросы на трезвую голову.

Корона из пайеток давила меньше, чем собственные мысли.

Лейла, моя соседка по квартире и по беспределу, уже где-то целовалась с солистом той самой группы, которая сегодня отпела. Я даже не уверена, знает ли она его имя, да и какая,

к чёрту, разница.

Лейла всегда умела входить в любую комнату так, будто она там хозяйка: громкий смех, тёмные глаза, в которых вечеринка не заканчивалась никогда. Она таскала нас по тусовкам, я потом писала песни про то, как мы живём. Такой у нас был бартер. И тогда мне казалось, что с ней рядом ничего по-настоящему плохому просто не может случиться. Стыдно нам завтра за сегодня точно не будет. Блистать — наше обычное дело. По крайней мере, я свято в это верила.

— Выпьешь со мной? — лениво произнёс кто-то рядом, перекрикивая музыку.

Я обернулась. Высокий, светлоглазый, слишком уверенный в себе парень в дорогих кроссовках и белой футболке с аккуратными прорезами, которые только добавляли ему бунтарства. На фоне этого шумного бедлама он выглядел, как гость из другой жизни. Волосы — растрёпаны правильной небрежностью, на губах — хитрая ухмылка, над левой верхней губой — маленькая родинка.

— С тобой? — буркнула я и медленно осмотрела его с ног до головы уничтожающим взглядом.

Он засмеялся. Смех оказался неожиданно чистым и тёплым, не вязался ни с клубом, ни с дымом, ни с чужими руками, которые уже тянулись к нему — поздороваться, похлопать по плечу, что-то крикнуть на ухо. В этом смехе не было ни грамма того липкого интереса, к которому я привыкла.

— Ты сама-то поёшь или только критикуешь? — прищу-

рился он.

— Пою, — упрямо ответила я. — Свои песни.

Он наклонился к барной стойке, что-то показал бармену жестом, повернул голову — и я наконец заметила в правом ухе серебристый гвоздик. Пятый или шестой стакан виски внутри меня очень обрадовался новой детали и немедленно снял внутренний фильтр.

— В смысле — свои? — переспросил он, наклоняясь ближе, чтобы расслышать.

— Не каверы, не чужие хиты, — уточнила я и сама пода-лась к нему, прицеливаясь словами, как дротиками. — Если облажаться, то хотя бы в авторском материале. В отличие от тебя.

— Это как — «в отличие от меня»? — он вскинул бровь.

— Правое ухо, гвоздик, шрам, дорогие кроссовки, — я ткнула пальцем в сторону его уха. — Ты же понимаешь, что с таким набором ты не человек, а ходячее клише: «опасно симпатичен». На тебе прямо написано: приличный мальчик с тёмными фантазиями, который научился прятать их под правильной улыбкой.

Он усмехнулся, уголок губ чуть дёрнулся — то ли от того, что попала, то ли от того, что ему это даже понравилось.

— Ты так всех раздеваешь до ярлыков или мне просто повезло? — спросил он.

— Тебе повезло, — хмыкнула я. — Обычно я молча пишу про людей песни и только потом ругаю.

— И что, я уже кандидат на куплет? — приподнял он бровь.

— Спокойно, — я покрутила в воздухе пальцами, как ручку от приглушённого звука. — Про таких, как ты, песни не пишут сразу. Вы сначала проходите через пару глав моей жизни фоном.

Он фыркнул, но промолчал, только снова улыбнулся — слишком легко, слишком открыто, как ему и правда достаточно просто быть рядом и не требовать ничего взамен.

Я тогда ещё не знала, что однажды каждая моя новая песня станет говорить вместо меня — о том, что я так и не решилась произнести вслух. И что больше всего меня будет бесить именно то, с чего всё началось: его улыбка.

Он улыбнулся чуть шире, и у меня внутри что-то неприятно дрогнуло — как перед выходом на сцену, когда уже поздно убежать за кулисы.

С тех пор он то и дело появлялся на наших репетициях, приносил кофе, шутил, ловко подставлял мне куртку, когда я мёрзла на крыльце во время перекуров. Эдриан ухаживал осторожно, не спешил перейти за черту друга, но и другом его нельзя было назвать. Слишком красивый для «просто друга», слишком внимательный для человека, который ничего не хочет взамен. Но я старательно не додумывала за него мотивы, наслаждаясь его вниманием к моей персоне.

Лейла первое время тоже торчала на репетициях. Сидела в углу, листала ленту, кидала мне взгляды через зал, кивала,

когда какой-то новый кусок звучал удачно. Иногда она приносила нам перекусы, иногда — просто своё «я с вами».

— Ему явно не всё равно, — как-то сказала она, когда мы вдвоём шли от студии до метро. — Но, учитывая твой любовный стаж с гитаристами, я бы тебе пока запретила.

— Запретила? — я усмехнулась. — Ты кто мне, мама?

— Я кто угодно, лишь бы ты снова не вляпалась в бред на репетиционной базе, — отрезала она. — Ты и так уже один раз перепутала личное и рабочее. И причём два раза — в своей же собственной группе. И помнишь, чем это обернулось для тебя и Дианы.

Ну вот зачем она опять. Сердце снова получило под дых. Диана давно ушла из моей жизни, но стоило только назвать её по имени — и воздух между нами густел, как дым в том клубе. Внутри сразу поднимался тот самый вопрос, на который я не могла ответить даже самой себе — или делала вид, что не обязана отвечать: кто из нас тогда всё сломал на самом деле? Я тогда просто ускорила шаг и перевела разговор на что угодно — погоду, новый трек, обсуждение прошлого квартирника. Всё, лишь бы не возвращаться туда, где мы когда-то остались втроём: я, Диана и тот, кто стоял между нами. С тех пор я тщательно обходила стороной любые треугольники, даже намёки на них. Но жизнь, как всегда, решила, что моё мнение — не главное.

И вот теперь, сидя рядом с Эдрианом в машине, я снова возвращалась туда же — только по другой траектории.

— Хочешь, познакомлю тебя с Константином? — как-то между делом предложил он неделю назад, будто звал выпить кофе в соседнее кафе.

— А он вообще знает, кто я? — только и смогла тогда выдать я.

Эдриан загадочно улыбнулся, его голубо-зелёные глаза сверкнули лукаво.

— Знает. Ему интересно.

Фраза, сказанная им неделю назад, всё ещё звенела в голове.

Чёрный люксовый Audi мягко притормозил у входа, и я в который раз поймала себя на мысли, что эта машина ему слишком идёт: блеск, кожа, персональный водитель — и он сам в серой хлопковой футболке, идеально подчёркивающей его натренированные мышцы.

— Эй, певичка, просыпайся, — ленивый тёплый голос Эдриана выдернул меня из мыслей. — Мы на месте.

Он повернулся ко мне, облокотившись локтем о спинку сиденья. На губах играла привычная хитрая улыбка. Маленькая родинка над губой только подчёркивала это ощущение: вроде бы мальчишка, а в глазах — взрослый хищник, тщательно прикидывающийся домашним котом.

— Ты как? — он прищурился.

— Нормально, — солгала я, сжимая ремень сумки. — Пойдём уже.

Эдриан усмехнулся краешком рта.

— Пойдём, если так настаиваешь, — перефразировал он мой ответ на свой лад и потянулся к дверной ручке.

— Эд, подожди, — внутри меня поднялась паника. — Зачем я здесь, я не понимаю.

Он чуть наклонил голову, разглядывая меня с тем самым лукавым прищуром, от которого, казалось, многим девушкам становилось жарко.

— А вот это, милая, уже хорошие новости, — он медленно провёл большим пальцем по шраму в форме полумесяца на левой кисти, как по привычному талисману. — Когда Константин хочет сам что-то понять, это всегда интереснее, чем когда ему кого-то навязывают.

Экран его телефона вспыхнул знакомой картинкой: стоп-кадр — тот самый зал, те же кривые колонны и наш старый микрофон. Лайв со студии. Там, где мы с ребятами каждую неделю снимали дешёвые, но честные видео, где я, задыхаясь от волнения, в очередной раз пела свои песни, а камера Эдриана дрожала в такт моим рукам.

Я вдруг ясно поняла: если Константин давно смотрит записи из студий, он мог видеть меня раньше, чем я — его. Эта мысль странно обожгла. Может быть, я здесь не случайно. Может быть, эта встреча была придумана задолго до того, как я села в машину.

Дверь хлопнула за моей спиной, и машина сразу стала казаться чем-то нереальным — как реквизит с дорогих съёмок, который сейчас увезут куда-то дальше, в жизнь, не похожую

на мою.

Снаружи было прохладно. Воздух пах мокрым асфальтом, выхлопами и чем-то ещё — то ли кофейней поблизости, то ли чужими жизнями, мимо которых ты идёшь. Здание студии нависало стеклянной стеной. Вывеска *Konstant Studio* была лаконичной, без лишних изысков. Больше всего она напоминала подпись к картине, о которой ты ещё не решил, нравится она тебе или пугает.

Я поднялась к ступенькам, провела ладонью по холодным металлическим перилам. Шершавый металл якорил в реальности. Лейла бы сказала: *Не строй из этого трагедию, просто зайди в здание.*

— Просто дойти до двери, — прошептала я.

Наверху, за стеклянной дверью, кто-то смеялся, кто-то говорил по телефону. У этого места был свой звук — не клубный, не концертный. Ровный рабочий гул людей, которые приходят сюда не отдыхать, а делать что-то, от чего потом будут зависеть чьи-то будущие песни.

На секунду захотелось развернуться, спуститься обратно, открыть дверь машины и сказать водителю: *Отвезите меня домой, я передумала*, а следом написать Лейле: *Я слылаась, давай пить*. Представить, как она закатила глаза и всё равно достаёт бокалы. И пусть потом Эдриан сколько угодно смеётся, сколько угодно шутит про испорченный трейлер.

Но машины уже не было. Сзади плавно зарокотал мотор и стих где-то дальше по улице. Всё. Назад — только пешком.

И только самой.

Я выдохнула и шагнула в дверь, которую распахнул для меня Эд, и этим запустил ту идиотскую рулетку, в которой мы сами стали ставками. Ещё шаг — и я окажусь лицом к лицу с человеком, который умеет вытаскивать из песен самое главное. Тогда я всерьёз верила, что Константин займётся треками.

Он выбрал другой вариант — разбирать меня. Тщательно, с каким-то особым наслаждением.

Глава 2

Анжи

— Ну же, пойдём. Ты должна с ним познакомиться, — торопливо, почти восторженно зазывал Эдриан, тянув меня за руку.

Сердце бешено забилось. Затаив дыхание, я шагнула навстречу судьбе — или в пропасть, тут как посмотреть.

Не заметила, как по привычке прошла мимо ресепшена и даже не поздоровалась с Камиллой, светловолосой девушкой за стойкой. Она что-то крикнула мне вслед, но слова растворились где-то между шагом и ударом пульса в висках.

Я сдёрнула с себя синее кашемировое пальто и почти швырнула его в руки Эдриану.

Моё пальто, конечно, выглядит на миллион. Жаль, его владелица — минимум на нервный срыв.

Пальцами наощупь попыталась привести в порядок непокорные кудри: то взлохматить, то пригладить. В итоге просто нервно перекинула их назад — локоны мягко рассыпались по спине, которая казалась слишком обнажённой и уязвимой для этого момента.

Быстро разгладила складки на лёгком платье цвета Шам-

пань. V-образный вырез спереди и сзади делал меня опасно открытой: ключицы, спина, слишком много воздуха вокруг кожи. Жемчужный пояс на талии собирал всё это в аккуратный силуэт, а подол обрывался выше колен, так что ноги выглядели как отдельный аргумент — куда более убедительный, чем мои речи в состоянии стресса.

Я покорно двинулась за Эдрианом.

— А вот и он, — заметил Эд.

Я проследила за его взглядом вверх — по лестнице, тонущей в жёлтых софитах.

Наверху, в свете, вырезался силуэт. Высокий, стройный мужчина. Он стоял над нами, как на Олимпе. Казалось, это не лестница, а пьедестал.

Глоток воздуха застрял где-то в груди, как кто-то внутри внезапно нажал «паузу». Организм, видимо, решил поэкспериментировать и временно отключил функцию «дышать».

Я упрямо держала взгляд вниз. Не потому, что слабая — потому, что не хотела дарить ему первое слово даже во взгляде.

Вцепившись глазами в носки своих сапог, лишь бы не встретиться с тем, кого, кажется, вселенная уже записала в мой персональный рок, я сделала шаг вперёд — короткий, осторожный — навстречу мужчине, чьё лицо я до ужаса боялась увидеть и до отчаянья хотела знать наизусть.

— Ну же, поднимайся, — Эдриан легонько подтолкнул меня в спину. — Не на казнь идёшь.

А звучит так, Эд, будто ты уже выбрал мне гроб и музыку для выхода.

Я осторожно ступала по стеклянным ступенькам. Каждая — как испытание на прочность каблуков и нервов. Коричневые короткие сапоги из мягкой замши с почти плоским каблуком держали ногу уверенно, но внутри всё равно трясло.

Пальцы правой руки сами нащупали мизинец, глядя знакомый жемчужный ободок с крошечным сердечком: проверка — талисман на месте, значит, ещё рано паниковать.

Только не навернись. Только не упади ему под ноги. Хотя эффектное знакомство, что уж.

Звонящая тишина оглушала. Я шла почти вслепую, не позволяя себе поднять голову. Страшась одного — встретить его взгляд. И страшась другого — не встретить вообще.

— Привет, — разрезал воздух низкий, спокойный голос. Мой взгляд сам дёрнулся вверх.

Браво, Анжи. Стальная воля уровня «слабый WiFi».

— Ну, знакомьтесь, друзья, — голос Эда врезался в тягучую тишину. — Анжи, это Константин. Константин, это Анжи.

Его обычный любезный тон прозвучал так, будто он выстрелил стартовым пистолетом.

Мы упёрлись взглядами.

Он смотрел спокойно. Слишком спокойно — как человек, который привык получать то, что хочет. Взгляд прямой, холодный, внимательный, раздражающе невозмутимый.

Я расправила плечи, слегка вскинула подбородок. Ну давай. Смотри. Я не из тех, кто тушуетя из-за чьих-то синих глаз, даже если они — целый Тихий океан.

Мы мерялись не ростом, а глазами: кто первый дрогнет, кто первый отведёт взгляд.

Чем дольше я на него смотрела, тем сильнее ощущала эту странную двойную тягу: влечь к нему пощёчину — просто за то, что он смотрит так, словно уже имеет на меня права, и шагнуть ближе — проверить, правда ли от него бьёт током или мне это показалось.

Внутри всё упрямо сопротивлялось: *нет, не твоё, не сейчас, не надо*. А тело, предатель, тянулось к нему, как иголка к магниту.

Мир съехал на задний план: люди, голоса, смех, музыка — всё превратилось в глухой фон. На переднем остались только мы: его взгляд, мой вызов и тонкая грань между «послать» и «потеряться».

Щёлкнуло где-то под сердцем — тихо, противно, знакомо.

Ни стекла, ни рамки. Вот он. Мужчина с фотографии. Не профиль, не линия плеч, не безопасный глянец, а рост, дыхание, тепло кожи в паре шагов от меня. Мой мозг по инерции ищет рамку по краю его силуэта. Смешно. Это не кадр, от которого можно отойти. Та самая шея, те же ключицы, то же спокойное хищное самообладание. Только теперь, если потянуться рукой, я коснусь не холодного стекла, а его.

Где же крылья. Где же ты их потерял.

Чёрные как смоль волосы кудрями спадали ему на лоб, словно художник специально обрамил этот совершенный профиль. Бездонные и холодные, как ледник, глаза резко выделялись на смуглой ровной коже. Пухлые губы и ямочки на щеках добавляли ещё больше невинности его образу. Высокие скулы задавали жёсткую, безупречную архитектуру лица. Он выглядел так, словно был не просто снят на фото, а вытасчен из дорогого кинопостера, где всё — про власть и вукс, а не про улыбчивое счастье.

Он был идеальный и вполне мог бы стать героем книг Джейн Остин. Только это был не мягкий романтический герой. Это был тот, кто ломает сюжет.

— Не передумала? — неожиданно для меня спросил он.

Голос — ровный, без улыбки. Будто это не вопрос, а проверка.

— С чем именно?.. — пересохшим горлом выдавила я.

— Войти в мой мир, — ответил он так, словно обсуждал нечто совершенно деловое. — У Эдриана талант приводить ко мне людей, которые потом жалеют, что согласились.

— Конст, не драматизируй, — вмешался Эд, нервно хохотнув. — Ты же не в ад её ведёшь.

— Смотря для кого, — холодно бросил Константин и снова посмотрел на меня. — Ну?

Он ждал. Не улыбался, не подбадривал, не смягчал. Просто в упор смотрел, как судья, ожидающий, признаю ли я свою вину.

Скажи «нет». Развернись. У тебя ещё есть шанс.

— Я — язык запутался в несуществующих словах. — Я уже здесь.

— Не аргумент, — отрезал он. — Многие стоят уже здесь. Потом бегут.

Он чуть наклонил голову, рассматривая меня под другим углом.

— Ты бегаешь, Анжи? — спросил он.

— В смысле? — я моргнула.

— В прямом, — он не отвёл взгляда. — Когда становится слишком тяжело — ты бежишь или остаёшься?

В горле пересохло.

— Я стараюсь оставаться, — с вызовом выпалила я.

Он чуть усмехнулся уголком губ — едва заметно.

— Посмотрим, — коротко бросил он. — Идем.

Он не предложил. Не пригласил. Просто повернулся и пошёл, зная, что я пойду следом.

Я поймала растерянный взгляд Эда. Он развёл руками: «Сама хотела» — и остался внизу.

Конечно, Анжи. Шагнула навстречу судьбе — теперь не ной.

Цепляясь за остатки света в коридоре и за свою хрупкую смелость, я двинулась за ним по пятам. Необъяснимое притяжение тянуло вперёд, страх — дёргал назад.

По длинному узкому коридору мы дошли до двери с лаконичной надписью: **Konstant Studio**.

— Проходи, — сказал он, открывая дверь.

Голос стал ниже, чуть глуше, словно внутри было другое давление воздуха.

Я сделала шаг — и вновь оказалась в знакомом помещении. Всё было знакомо до боли, до дрожи в коленях. Каждый поворот, каждый просторный светлый репетиционный зал. Раньше это место было для меня свободой. Теперь — испытанием.

Воздуха отчаянно не хватало. Стены давили, так, что казалось кто-то медленно сдвигал их внутрь. Инстинкт надрылся: *беги. Беги прочь, не оглядываясь. Подальше от того, с кем ты безумно хочешь делить один кислород на двоих — даже если будешь задыхаться.*

— Это мой кабинет, — Константин распахнул белоснежную дверь.

Я замерла на пороге, опасаясь снова встретиться с его взглядом в упор.

Слишком хорошо знала: ещё чуть-чуть — и провалюсь в него до самого дна, по глупости оставаясь там только потому, что он рядом.

Доверившись своему безумству вслепую, я вошла.

Комнатка была небольшая, захламлённая проводами, педалями, музыкальными установками. Справа — стол, заваленный потёртыми дисками и блокнотами. Напротив — коричневый кожаный диван с чуть просевшим сиденьем.

Дверь за мной мягко закрылась. Щёлк — и мир сузился

до четырёх стен и одного мужчины.

— Садись, — Константин кивнул на диван, не отводя от меня взгляда.

Я послушно опустилась на край дивана, держа спину так, словно подо мной — не кожа, а тонкий лёд.

Он не сел — просто облокотился бедром о стол, скрестил руки на груди. На нём был тонкий свитер молочного цвета, мягкая вязка плотно ложилась по плечам, подчёркивая рельеф рук даже в неподвижности. По нижнему краю в петли вязки были аккуратно вплетены тонкие металлические цепочки — деталь, от которой вещь выглядела дороже и опаснее. Пальцы отбивали упрямый, ровный ритм.

Чёрный локон всё время норовил упасть на глаза, и он лениво отбрасывал его назад, не отводя от меня взгляда. Смотрел, как хищник на жертву, которая сама пришла. В этих глазах было что-то демоническое — спокойная, тихая уверенность того, кто уже решил, что со мной сделает.

— Нервничаешь? — спросил он.

— Немного, — выдохнула я, чувствуя, как предательски дрожат пальцы.

— Плохо врёшь, — отрезал он. — Это тоже придётся исправить.

Сказал так буднично, будто речь шла о фальшивой ноте, а не о моих нервах.

Охренеть. Он серьёзно.

— Если ты сейчас передумаешь, — продолжил он, — са-

мое время. Дальше будет только жёстче. И мне неинтересны люди, которые сдуваются после первого давления.

Он чуть наклонился вперёд:

— Ты из каких? — медленно спросил он. — Из тех, кто держит удар, или из тех, кто красиво сливается?

Мой рот пересох. Сердце било так громко, что казалось, он слышит его.

Вот она, Анжи. Твоя бездна. Прыгнешь — или будешь стоять на краю и смотреть?

— Я — я подняла на него взгляд. — Я не сливаюсь.

Он смотрел ещё секунду. Потом кивнул — коротко, как будто поставил галочку в своём невидимом списке.

— Проверим, — сказал он. — Я не ангел, Анжи. Надеюсь, ты не ждёшь крыльев.

Слишком поздно не ждать.

И почему-то от этой фразы стало ещё труднее дышать.

Дверь тихо щёлкнула.

— Я принёс нам чай, — сказал Эдриан, заходя в комнату и почти полностью перекрывая собой проход. В руках — узкий чёрный поднос с матовым металлическим краем, больше похожий на аксессуар из шоурума, чем на кухонную утварь.

Эд. Чёрт. Я совсем забыла про него.

В голове не осталось места ни для кого. Один мужчина. Один голос. Один взгляд. Остальное можно было смело вычеркивать. На секунду я даже дёрнулась, будто меня пойма-

ли на чём-то личном.

Константин непринуждённо оторвался от стола и выпрямился, движение — плавное, ленивое, как у хищника, которому некуда спешить.

— Ты вовремя, Эд, — сказал он и вдруг легко улыбнулся.

Улыбка вспыхнула на лице так резко, что у меня внутри что-то хрустнуло. Только что — лёд, давление, приговор. Сейчас — тепло, почти домашнее. Как кто-то перекинул рубильник у него в голове.

Эдриан поставил поднос на край стола и бросил на него короткий взгляд — в котором промелькнуло знакомое, усталое одобрение; создавалось ощущение, что они уже не раз разыгрывали эту сцену. На чёрной поверхности аккуратным рядом стояли три кружки — тяжёлая керамика глубокого графитового цвета, глухой блеск, ни одной лишней детали. На фоне молочного свитера Константина эта чёрная геометрия смотрелась как продуманная картинка, а не случайный чайный перерыв.

— Чай? — Константин повернулся ко мне, словно вспомнив, что в комнате есть ещё кто-то, кроме них двоих.

Смотря прямо мне в глаза, он протянул чёрную блестящую кружку. В его взгляде не осталось той жгучей ледяной синевы — только тёплое, насмешливое свечение. Как шкодливый подросток, он бросал мне немой вызов, а лёгкая ухмылка играла в уголках губ.

От контраста у меня подкосились колени. Ещё минуту на-

зад он прижимал меня к краю пропасти, а теперь стоял с чаем в руке, идеальной чёрной кружкой, и улыбался так, будто мы на каком-то дружеском, чуть слишком стильном чаепитии. Организм не успевал переключиться: тошнотворный ком в горле, жар в ушах, ладони холодные, как лёд.

Он опасен. Опасен тем, как легко может стать мягким. Не верь. Не расслабляйся.

— Да, чай. Конечно, — выдавила я, пытаюсь натянуть на лицо что-то, похожее на улыбку. И мой голос в этот момент даже не дрогнул.

Глава 3

Анжи

Горячий фарфор обжёг пальцы, и это почему-то вернуло меня в тело. До этого всё казалось чуть замедленным, как от лёгкой анестезии — звук, свет, голоса. Сейчас — щёлк. Резкость.

В комнате стало тесно от его присутствия — от запаха, от голоса, от того, как он смотрит, будто раздевает по слоям, не дотрагиваясь. Воздуха много, людей немного, а дышать всё равно непросто. Я крепче вцепилась в кружку, чувствуя, как дрожь от ладоней уходит куда-то в фарфор.

— Ну что, начинаем? — Эдриан шумно опустился в кресло возле стола с монитором, хлопнул в ладони. — У нас ещё Макс подъедет, послушает, глянет.

Имя повисло в воздухе, но я отреагировать не успела.

Дверь открылась без стука.

— Уже подъехал, — раздался голос незнакомца.

Я дёрнулась, чай чуть не выплеснулся из кружки. Макс зашёл резко, кинул на диван куртку — и атмосфера в помещении стала ещё плотнее. Хотя, если объективно, комната была вовсе не крошечной. Просто от резких смен сцен хоте-

лось выбежать и вдохнуть полной грудью.

Ну всё, Анжи, ты дошла до ручки. Bravo.

Он коротко кивнул Эду, бросил быстрый взгляд на меня — оценивающий, цепкий — и остановился на Константине.

— Ну здравствуй, дружище, — он кинулся к Константину с объятиями. — Ты, как всегда, вовремя, в самом интересном месте.

Константин чуть приподнял уголок губ.

— Ты же знаешь, — спокойно ответил он. — Я прихожу только туда, где действительно интересно.

На нём всё выглядело до обидного просто, но слишком точным, чтобы быть случайным. Мягкий свитер сидел по фигуре и подчёркивал плечи; прямые серые брюки цвета мокрого асфальта держали форму, так словно их только что сняли с манекена; светлые кроссовки — чистые до стерильности. На запястье — тонкие часы в гладком кожаном ремешке и такой же лаконичный браслет, у шеи поблёскивал чёрный шнурок. Не вещи были дорогими — дорого смотрелся он сам, как человек, который не думает о ценниках и химчистке.

Рядом с ним Макс казался ещё громче. Если Константин был про тишину, собранную в человека, то Макс — про шум, который даже отключить нельзя. Его широкие чёрные штаны и длинная серая кофта до голени, обвешанная булавками, словно спорили с аккуратностью Константина. Русые взъерошенные волосы, мягкие волны, падающие на глаза;

крюссовки на массивной разноцветной подошве — один фиолетовый, другой оранжевый — добавляли ему пару сантиметров и превращали в живую пометку маркером на идеально чистой странице. И от этого контраста почему-то становилось только тревожнее.

Макс оглядел комнату, задержался на мне чуть дольше, чем на аппаратуре.

— Это и есть наша Анжи? — спросил он, даже не удосужившись скрыть любопытство.

Я кивнула, чувствуя, как жар поднимается к щекам. Ореховые глаза наверняка блестели сильнее обычного, но я боялась даже моргнуть. Пальцы на правой руке машинально сжались, и кольцо на мизинце болезненно впилось в кожу — как будто тихо дёрнуло назад: осторожно.

— Она, — подтвердил Эдриан. — Голос — пушка. Тексты — свои. Голова — на месте. Нам нужен только один пазл, чтобы всё сложилось.

Голос. Тексты. Пазл. Что вообще происходит? Или у меня начинаются галлюцинации.

Эд на секунду замолчал, потом резко повернулся к Константину:

— Конст, давай без танцев вокруг. Я хочу, чтобы ты её продюсировал.

Слова ударили в грудь, как выстрел. Мир сузился до этой одной фразы.

Чтобы он меня продюсировал.

Моё тело отреагировало раньше мыслей. Колени стали ватными, пальцы сильнее сжали кружку. Кольцо снова врезалось в палец, на этот раз почти до онемения, и боль стала такой отчётливой, что походила на предупреждение — последний звонок перед тем, как шагнуть куда-то не туда. Но я не разжала руку, казалось если отпущу — рассыплется всё, что только что нарисовало воображение.

Перед глазами мелькнули картинки: сцена, свет, студия, мой голос в его наушниках, его ладонь на регуляторе звука. Он — рядом. Не на экране. В моей реальности.

Да. Да. Да.

Я даже не осознала, что уже чуть подалась вперёд, как будто одним движением могла подтолкнуть судьбу. Да, что там — я даже на долю секунды забыла, что у меня есть своя группа и, возможно, стоит сначала обсудить это с ними. Особенно с Мартином.

Эд продолжил:

— Ты же сам говорил, что хочешь что-то свежее. Не очередную пластмассовую попсу, а живой материал. Вот он. Точнее, вот она. Ты это можешь сделать. Только ты.

Я втягивала каждое слово, как кислород. Это звучало как шанс, как билет из моего «потом» в его «сейчас». В меня верят. Во мне видят. Меня выбирают — с ним.

Константин молчал.

Он смотрел на Эда, на Макса, потом на меня. Прямо. Без улыбки. Без прежнего озорства. В его взгляде снова появи-

лось что-то ледяное, чёткое, обжигающе трезвое.

На секунду мне показалось, что он слышит, как бьётся моё сердце и как шепчет внутри: «Скажи да. Скажи да. Скажи да».

— Нет, — сказал он.

Просто. Ровно. Как констатацию факта.

Воздух в комнате стал плотным, как бетон.

— В смысле «нет»? — не понял Эдриан. — Ты даже не послушал

— Я сказал: нет, — перебил Константин, даже не повышая голоса. — Я не буду её продюсировать.

Его слова резали, как стекло. Аккуратно, холодно, без шанса подобрать осколки. Все замерли. Даже шумный Макс, казалось, уменьшился в размерах.

— Почему? — вырвалось у меня раньше, чем я успела прикусить язык.

Он перевёл на меня взгляд. В нём не было ни жалости, ни сомнения.

— Потому что это не мой уровень, — сказал он ровно. — И я не вижу смысла тратить на это своё время.

Эта фраза ударила не в грудь — по самолюбию. Как будто меня аккуратно, без истерик, вычеркнули. Не из проекта — из лиги. Внутри меня все кипело, нарастало, грозило вот-вот взорваться

— Но ты даже не слышал, как я пою. И не видел мои тексты, — я выпрямилась и заставила себя смотреть прямо на

него. — Ты даже не дал мне шанса.

Константин даже не ответил. Просто отвернулся — словно я была не человеком, а лишним стулом в комнате, который больше не нужен.

Тишина оглушила сильнее крика.

Чай в моей кружке остыл. Я тоже.

Кто-то что-то говорил — Макс, Эд: возражения, возмущение, попытка переубедить. Фразы вспыхивали и гасли, как помехи на радио. До меня долетало только одно:

«Нет. Я не буду её продюсировать».

И почему-то именно от его отказа стало по-настоящему страшно. В одну секунду стало ясно: не только шанса нет — я и сама себе наврала про всё это.

Дверь в мой возможный мир захлопнулась не перед носом. Ею просто хлестнули по лбу, чтобы я, наконец, проснулась.

Я всё ещё сжимала холодную кружку и понимала только одно: эта сцена уже разыграна.

Но для меня — она была началом.

Глава 4

Анжи

Я сидела посреди его кабинета, всё ещё чувствуя на себе его взгляд, как ожог. Воздух пах крепким чаем с бергамотом, кожей кресел и лёгким терпко-мужским парфюмом, который, казалось, стоил как вся моя аппаратура вместе взятая. Внутри всё трещало по швам.

Единственным реальным был ремешок сумки, в который я вцепилась так, словно он мог что-то изменить. На ремешке глухо звякнули маленькие подвески-матрёшки — и тут же притихли, как и я.

Я сглотнула, провела ладонью по лицу, будто могла стереть с себя и его голос, и этот разговор, и своё унижение.

— Всё? — хрипло спросила я. — Мне можно идти?

Константин на секунду задержал на мне взгляд, словно прикидывал, скажет ли ещё что-то. Не сказал.

— Да, Анжи, можешь идти, — устало проговорил он. — Эд проводит.

И именно в этот момент дверь резко распахнулась.

В кабинет заглянула чья-то тёмная голова.

— Ой, извиняюсь, — Луи вытянул шею, потом распахнул

дверь шире. — Я не вовремя, да?

Луи — вечный спасатель, мой друг и второй вокалист нашей группы. Высокий, черноволосый, с тёплыми карими глазами, из-за которых люди почему-то начинают делиться лишним. И сейчас его появление было последним, чего я хотела.

Это уже было слишком. Я рывком поднялась с дивана и спешно выпалила:

— Привет.

— Привет, Анжи, — ошарашенно моргнув, ответил Луи.

Ну а чего я ждала от него? Улыбки? Подмигивания? Меня здесь вообще не должно было быть. Сцена и так, как в кино: продюсер, отказ, тяжёлый воздух — и в этот момент вваливается наша группа на репетицию.

— Всё норм, Луи, — сухо сказал Константин, чуть прищурившись. — Ты по делу?

— Мы на репетицию, — Луи кивнул мне поверх его плеча.

— Студия свободна?

Его взгляд зацепил мои покрасневшие глаза, дрожащие пальцы на ремешке. Бровь чуть дёрнулась: «ты в порядке?» Я не могла сейчас объяснить, что у меня только что выбили из рук и мечту, и последние крохи самооценки.

— Студия ваша, — отрезал Константин. — Через пять минут мы уезжаем.

Луи уже скрылся за дверью. Я вдруг поняла, что мои ребята — мои — пришли на репетицию. В нашу любимую сту-

дию. В мой единственный дом, который у меня ещё оставался. Через пару минут мне придётся войти к ним так, словно ничего не случилось.

Константин посмотрел на дверь, потом на меня. В его глазах было непонимание и откровенная злость, словно я лично испортила ему планы.

— Мне нужно выйти, — выпалила я и, не дожидаясь разрешения, выскользнула в коридор.

Воздуха в коридоре не хватало. У этих стен был его голос, его смех, его решения. Мне надо было куда-то, где можно хотя бы просто сидеть и слушать, как кто-то бьёт по струнам, а не по мне.

Я дотянулась до знакомой ручки и толкнула дверь в белую репетиционную.

Пять парней одновременно обернулись. Пять разных взглядов — и один немой вопрос: что ты здесь делаешь, Анжи. Я и сама не знала.

Ближе всех к двери стоял Луи — в своём вечном тёмном оверсайз-худи и выцветших потёртых джинсах. Он чуть подался ко мне корпусом, словно готов поймать, если я просто осяду на пол. Тёмно-коричневая чёлка лезла в глаза; он по привычке дёрнул её в сторону, не отрывая от меня взгляда.

— Вот это да! — первым хмыкнул Мартин, облокотившись на бас. Светлые волосы торчали во все стороны, это выглядело так, как он только что стянул шапку и забыл, что люди вообще их приглаживают. Тёмные джинсы перетяги-

вал узкий ремень, на запястье поблёскивал тонкий металлический браслет. Пальцы машинально перебирали струны — низкий, короткий звук прокатился по комнате. — Спец Гость на репетиции. Билеты кому продавать?

В голосе — та же лёгкая издёвка, под которую я раньше смеялась. Сейчас от неё внутри только кольнуло.

По инерции захотелось подойти к нему, уткнуться в плечо, спрятаться в его объятиях. Ещё недавно он целовал меня прямо здесь, у этой двери. Сейчас я так и осталась стоять у порога.

Я попыталась изобразить улыбку. Вышло плохо.

— Дай ей хотя бы вдохнуть, Марти, — негромко сказал Луи.

Где-то справа негромко ударила по тарелке палочка — короткий, нервный звук, как вздёнутый смех.

— Она же обычно сама не даёт никому вдохнуть, — лениво заметил голос слева. — Непривычно видеть, что физика работает и на ней.

Я повернула голову. Джеймс. Он сидел за барабанами, перекидывая палочки из руки в руку — не спеша, почти не глядя, словно просто давал рукам что-то делать. Татуированные пальцы мелькали, узоры сливались в тёмное пятно. Белая рубашка закатана до локтей, чернило покрывало предплечья и уходило на тыльную сторону ладони — и дальше, за ухо, под светлые пряди, упавшие на лоб. Бледно-голубые глаза смотрели почти рассеянно — как на трек, который уже

знает наизусть.

— Зашла проверить, жива ли ещё старая реинкарнация твоей жизни? — протянул он. — Или мир всё-таки крутится без твоего контроля?

Я сглотнула. Спорить сил не было.

— Я просто посижу, — выдавила я. Голос дрогнул, и это бесило сильнее всего. — Я же пока за микрофоном не нужна?

— Сиди, — сразу кивнул Луи. — Там, где всегда.

Джек, стоявший у микрофона, тут же чуть отвёл стойку в сторону, освобождая проход. Он держался ровно, по-спортивному; чёрная футболка плотно сидела на плечах, гитару он притянул к себе так, словно это продолжение его руки. Тёмные глаза коротко скользнули по моему лицу — будто поставил галочку «не ок» — и вернулись к струнам.

— Осторожно, — Рой носком подвинул к стене жёлто-чёрный чехол от гитары. Я даже не сразу его заметила: он полусидел, прислонившись к комбаку с сологитарой в руках, в мягкой серой водолазке с высоким горлом из тонкого трикотажа и тёмных джинсах, вроде как всегда там и был. — Не убейся об мою великую, но пока недооценённую карьеру.

Светлокоричневые волосы падали ему на щёки. Рой заправил прядь за ухо и снова глянул на меня снизу вверх — быстрым, цепким взглядом. На запястье мелькнула тёмная полоска татуировки поверх чёрного тканевого браслета.

«Там, где всегда» — это у стены справа от барабана

Джеймса, между проводами и старым жёстким кофром с выцветшими наклейками. Моё место, когда я уставала петь и садилась восстановить голос, просто послушать, как ребята собирают новые связки для наших песен.

Я сделала пару шагов вглубь студии. Колени были ватные.

— Осторожно, — повторил Рой уже мягче и носком подвинул гитару ещё дальше к стене. — Реально, не убейся. Я пока не готов к сольной карьере на костях коллег.

Я села на край кофра, вцепившись пальцами в ткань.

— Ну вот, — тихо резюмировал Джеймс.

Он легко откинулся назад на табурете, палочки щёлкнули одна о другую. Взгляд проскользнул по комнате — по Луи у двери, по Мартину с басом, по Джеку у микрофона, по Рою на полу, — в ушах блеснули гвоздики — и снова вернулся ко мне.

— Почти полный набор. Бывшая, её бывшие и та, которую она потеряла.

Он чуть усмехнулся.

— Не хватает только Дианы, чтобы вселенная окончательно сомкнулась.

Я вздрогнула. Имя Дианы в этой комнате звучало редко. Слишком громко, даже шёпотом.

— Джеймс, — предупредил его Луи.

Он стоял уже ближе к барабанам, руки засунуты в карманы худи, плечи чуть подняты. Чёлка снова упала в глаза, и он нервно потрянул головой.

— Что? — Джеймс пожал плечами. — Констатирую состав. Без драм.

Пауза.

— Забавно только, что выдохнуть она приходит именно туда, откуда когда-то уходила выдыхать от Дианы, — добавил он, уже явно надавливая.

Я подняла на него взгляд.

— В каком смысле? — выдох получился хриплым.

— Да в самом обычном, — Джеймс говорил, будто в голове пролистывал старые файлы. — Тогда ты тоже садилась сюда после ссор. Сначала — со мной. Потом — с ней.

Он кивнул на пустое место рядом со мной.

— И каждый раз казалось, что виноват кто-то один. Пока вы не устали друг от друга обе.

Воздух стал гуще.

— Не сегодня, Джеймс, — тихо сказал Джек от микрофона.

Он чуть сжал гитару, костяшки пальцев побелели. Голос был ровным, но в нём прозвучала та твёрдость, после которой обычно спорить бессмысленно.

— У нас и так тут не комедия. — уже сухо добавил он.

— Я очень коротко, — беззлобно отозвался Джеймс. — Просто честно.

Он снова посмотрел на меня:

— Диана, например, в итоге почему-то решила остаться со мной. Хотя смотреть, как мы с тобой были вместе, ей явно

правилось меньше, чем тебе.

Слова больно щёлкнули внутри.

— И всё равно она тебя любила, — сорвалось у меня почти шёпотом.

Он не стал улыбаться.

— Да, — просто сказал. — Её любви хватило, чтобы пережить и нас с тобой, и твой уход, и то, как ты потом сделала вид, что её нет.

Короткая пауза.

— Этого не хватило только на то, чтобы вы остались по-другими.

Мартин, до этого молча перебирающий струны, задел одну чуть сильнее — глухой звук выстрелил в тишине. Он поднял голову:

— Джеймс, иди покури. Ты достал уже всех.

Голос у него был низкий, без лишних интонаций, но так он обычно говорил, когда решение уже принято.

— Да, что-то захотелось курить, — ухмыльнулся Джеймс.

Он поднялся, палочки привычно перекатались к одному краю ладони.

— Заодно Диане позвоню, спрошу, как дела.

Он развернулся и вышел из зала. Дверь тихо хлопнула.

— Вот и закончили на жизнерадостной ноте, — вмешался Рой, щёлкнув по струнам что-то нарочно бессвязное и фальшивое. — Давайте дальше по списку: кто ещё кого любил, а теперь делает вид, что нет? Я могу начать с себя и шоколада,

если надо.

Мартин фыркнул, уголок губ чуть дёрнулся — почти улыбка.

— Режим ретроспектива личной жизни закрыт, — твёрдо сказал Джек. — У нас трек не дописан.

Он чуть поправил микрофон, так словно переключал комнату в рабочий режим, и повернулся ко мне:

— Анжи, правда. Просто посиди. Здесь можно ничего не объяснять.

— Да, — подхватил Рой. — У нас новый корпоративный кодекс: не задавать вопросов человеку, который выглядит так, как его уже сегодня спрашивали всё, что можно.

Сказал это легко, почти шутя, — казалось, он читает мое состояние без слов.

Я выдохнула. Очень медленно.

Ребята начали возиться с инструментами. Мартин вскинул бас на плечо, пальцы автоматически нашли первую линию. Луи занял место за барабанами, подвинул табурет и тихо, на пробу, ударил по малому. Рой выжал из комба первый ещё нестройный аккорд. Джек проверил строй и дал короткий, чёткий перебор.

Шум постепенно заполнял комнату, слои звука ложились поверх того, что крутилось в голове.

Я поймала себя на том, что по старой привычке ищу взгляд рядом — тот, которого нет. Пусто. Дианы здесь не было. И уже полгода как нигде со мной её нет. А его фраза

всё ещё глухо стучала где-то под ребрами: «Диана в итоге решила остаться со мной».

Если бы Джеймс хоть на секунду её отпустил. Но он забрал её целиком. С головой. С телефоном. С правом дышать.

Дверь репетиционной дёрнулась и распахнулась.

Константин вошёл так, как заходят туда, где им и так всё принадлежит. Ни суеты, ни лишних движений — просто шаг через порог, и пространство само подстраивается под него.

Он на секунду остановился у двери, давая глазам привыкнуть к белому свету ,отражающих лампы, и провёл взглядом по комнате. Луи за барабанами , Мартин с басом, Рой и Джек с гитарами и я сидящая на краю кофра.

На остальных он смотрел быстро, по-деловому, отмечая: кто что делает, кто как держится. На мне взгляд споткнулся — и задержался. Слишком долго для простого «оценил и пошёл дальше».

У меня внутри всё сжалось. *Он уже отказал. Зачем пришёл?*

Повисла тишина, только комбик тихо шипел в углу.

— Анжи, — наконец сказал он, не сводя с меня глаз. —

Надо поговорить.

Просто. Спокойно. Но так, что это невозможно было воспринять как невинную мелочь.

Я кожей почувствовала, как сзади вспыхивает Мартин. Его взгляд буквально прожёт мне затылок.

— Ей репетировать надо, — сухо бросил Джек, будто про-

верья границы. — У нас время горит.

Константин перевёл на него взгляд. Не зло, не с вызовом — просто как на шумовой эффект, мешающий работе.

— У неё *тоже* горит, — ровно ответил он. — Анжи, выйдем.

— Я сейчас вернусь, — выдохнула, не глядя ни на кого.

Луи поднял брови: *точно хочешь в это лезть?* Джек напрягся, но промолчал. Рой скривился. У Мартина дёрнулся уголок губ — он явно сдерживал что-то очень резкое.

Я прошла мимо Константина к двери. Он отступил в сторону, давая мне выйти первой, но я всё равно ощутила его близость — как статическое электричество, от которого хочется и отпрянуть, и коснуться.

Дверь за нами мягко захлопнулась, отрезав музыкальную точку с её взглядами и подколами.

Коридор был узкий и серый, как чужой подъезд. Холодный свет сверху делал всё вокруг ещё более плоским.

Константин шёл рядом, всего в полшага впереди. Пару секунд мы двигались молча. Мои узкие замшевые сапоги казались весили тонну и тихо шаркали по полу; его шаги звучали глухо и уверенно. От него тянуло тёплым запахом кожи, дерева и чего-то пряного — то ли парфюм, то ли пропитавшийся им кабинет.

Он вдруг остановился. Я по инерции тоже, автоматически вжимаясь спиной в холодную стену, чтобы не столкнуться.

Он развернулся ко мне. Расстояние между нами сокра-

тилось до нелепых сантиметров. Узкий служебный коридор словно сузился ещё больше, превращая нас в единственную точку в пространстве.

— Анжи, — он посмотрел прямо. — Извини. В кабинете я перегнул. Но сути это не меняет. Ты пока не готова к большой сцене. И хочешь честно, от человека, который в этом варится с детства? Этот шоубизнес тебя просто сломает. Пережует и выплюнет. Для тебя сейчас куда безопаснее играть со своей группой, чем лезть в эту мясорубку.

Он говорил слишком спокойно — с тем натянутым спокойствием, когда уже накричал внутри и теперь изо всех сил держишь себя за горло, чтобы не сказать лишнего.

От этого было ещё больнее, чем от его жёстких слов в кабинете: там он бил в лоб, сейчас — по живому.

Внутри всё одновременно сжалось и вскипело.

— Мне не нужна твоя помощь и жалость, — слова вырвались быстрее, чем я успела их обдумать. — Ты и так всё показал и сказал там, в кабинете. Я думаю, этого достаточно. А самое лучшее в твоём отказе — что я больше тебя не буду видеть.

Я дёрнулась, разворачиваясь, чтобы уйти, но он мгновенно перекрыл мне путь, опёршись ладонью о стену рядом с моим плечом. Пальцы слегка напряглись, костяшки побелели — он явно сдерживал не только меня, но и себя.

Он смотрел так, словно видел меня насквозь. И не школьницу с микрофоном, а ту, которая только что стояла в его

кабинете, слушала приговор и умудрилась не развалиться. В его взгляде не было ни насмешки, ни жалости — одно тяжёлое, честное внимание.

Он чуть подался вперёд, и я почувствовала его дыхание — тёплое, сбившееся на полудара. Запах кожи, дерева и пряностей снова накрыл, как плотный плед.

— Я вышел за тобой, чтобы убедиться, что ты понимаешь, во что лезешь, — тихо сказал он. — Не в контракт. В этот мир. В мою орбиту.

Последние два слова прозвучали будто сорвались сами, и он почти незаметно дернулся, словно уже пожалел, что их произнёс.

Я сжала зубы.

— Я просто хочу вернуться на репетицию, — выдавила я. — Послушать. Поиграть. Это всё.

— Это всё так не выглядит, — уголок его губ дёрнулся, но до усмешки не дотянул. Голос остался ровным, но в нём слышалась та самая сдержанная злость — не на меня, на себя.

Он замолчал, вглядываясь в меня так, будто искал последний аргумент, который окончательно оттолкнёт.

— Я знаю, как люди ломаются, — тихо добавил он. — И я не хочу, чтобы это случилось с тобой из-за меня.

«Из-за меня» он произнёс особенно жёстко, словно каждое слово царапнуло ему горло изнутри.

— Тогда зачем ты вернулся за мной? — спросила я, сама удивившись, что голос не дрогнул.

Он на долю секунды закрыл глаза, как от удара в открытую рану. Когда снова посмотрел, взгляд стал холоднее — уже продюсер, а не мужчина, стоящий вплотную.

— Я вышел, чтобы нормально объяснить причину отказа. Без сцен, — отрезал он. Голос был аккуратно выровнен, как будто он сам себе ставил рамки.

— Это всё, что ты хотел сказать? — так же холодно спросила я.

Пожалуйста, скажи, что нет. Пожалуйста.

— Это всё, — коротко кивнул он, и по этому кивку было видно, как ему даётся каждое слово.

Тишина между нами натянулась до предела.

Он едва заметно наклонился — не настолько, чтобы это можно было назвать попыткой поцелуя, но достаточно, чтобы воздух окончательно вышибло из лёгких. Ладонь на стене сжалась ещё сильнее, костяшки совсем побелели, и именно это выдало его усилие держать дистанцию.

Через секунду он резко выдохнул, словно одёрнул сам себя, отступил на полшага, насильно возвращая пространство между нами.

— Эдриан может отвезти тебя домой, — его голос стал суше и официальнее. — Или ты остаёшься. Здесь.

Я сглотнула.

— Я остаюсь, — твёрдо сказала я.

Он смотрел ещё пару секунд, проверяя, не дрогну ли. Потом коротко кивнул — скорее себе, чем мне. Плечи снова

стали как броня, лицо вернулось в привычную жёсткую маску.

— Поехали, — бросил он Максу и Эду, появившимся в конце коридора.

— Пока, Анжи. Точно не поедешь? Я мог бы тебя подбросить, — Эдриан посмотрел на меня виновато, как человек, который слишком поздно понял, что промолчал не в той сцене.

Запоздло, Эд. Слишком запоздло.

— Не надо. Всё нормально. Меня Мартин отвезёт, — сухо ответила я.

Константин даже не обернулся, только край его чёрного драпового пальто мягко скользнул у выхода. Эдриан последовал за ним. Макс лишь коротко кивнул мне и тоже исчез в коридоре.

Как только все трое вышли, мне стало легче дышать, словно кто-то открыл клапан перекрытого кислорода.

Я пару секунд простояла, прислонившись к стене, пока не ушёл звон в ушах, и только потом вернулась к ребятам в зал.

Мы сыграли ещё. Механически, по инерции. Каждый был в своих мыслях.

Я ловила себя на том, что всё время слушаю дверь: не зайдёт ли кто-то из людей Константина. Не появится ли он сам. Глупо, конечно. Он чётко дал понять, что я для него никто.

Никакой магии. Взрослый мужчина, которому плевать.

И всё же вся я была натянута, как струна. Словно ещё одно

его слово могло как-то отменить сказанное.

— Анжи, — позвал Мартин, когда мы сделали перерыв. Все остальные вышли покурить и проветриться. Мы остались вдвоём.

Я стояла у окна. В отражении — помятая, уставшая, чья-то другая. Тонкая ткань платья липла к коже, как чужая. Ещё утром оно казалось сценическим, правильным, «под продюсера» — теперь в этой лёгкости было только голая уязвимость, как будто меня завернули в дорожную бумагу без коробки.

— Что? — без сил пробормотала я.

Он какое-то время молчал, потом:

— Ты правда пришла сюда одна?

— Я не одна, — фраза вышла как-то автоматически. — Меня привёз Эдриан.

Угол его рта дёрнулся.

— А, ну да. Личный кофе-такси-шоколадка при деле, — тихий язвительный смешок. — Тогда, конечно, не одна.

Сегодняшнее уже физически выжгло меня.

— Мартин, — я выдохнула, — не сейчас.

— А когда? — он поднял взгляд. — Когда он тебя ещё к кому-нибудь свозит?

Я сжала пальцы.

— Он сам предложил познакомить меня с Константином, — вырвалось у меня. — И сам привёз.

И только после поняла, как это звучит.

Взгляд Мартина потемнел.

— Сам предложил, — повторил он, чуть кивнув. — Сам привёз.

Коротко усмехнулся:

— Прекрасно. Просто друг. Просто очень инициативный.

— Не начинай, — я обернулась к нему. Серьги дёрнулись и холодно стукнули по шее, напоминая, для кого я вообще сегодня нарядилась. — Эд хотел помочь. Он сказал, что может устроить знакомство, я..

. — Ты, естественно, согласилась, — закончил он. — И ни слова нам.

— Я не знала, что это будет ТАК, — вскинулась я. — Он говорил: «познакомлю, заедем, покажешься». Я думала — просто зайдём, перекинемся парой слов.

— И? — он прищурился. — Перекинулись?

Я усмехнулась горько.

— Константин даже слушать меня не стал, — выдохнула. — Эд начал что-то про «можем подумать о продюсировании», а Константин сказал жёсткое «нет» ещё до того, как я рот открыла.

Горло саднило.

— Я вообще не успела ничего спеть.

Мартин чуть дёрнул бровью, но голос не смягчил.

— Но ты всё-таки поехала с Эдом к продюсеру, не сказав нам, — он говорил ровно, но пальцы на грифе подёргивались. — Уже достаточно, чтобы мне было хреново.

Я открыла рот, но он не дал вставить слово.

— И ладно бы только Эд. Окей, друг, подвёз, помог. Я ещё могу как-то это проглотить.

Он дёрнул плечом.

— Но вот появляется Константин. Сначала он тебя отшил, не стал слушать. А потом этот же человек внезапно заходит к нам на репу и забирает тебя со словами: «Анжи, надо поговорить».

Он вскинул брови.

— Ты реально хочешь, чтобы я верил, что это всё — просто деловые совпадения?

Я сжала губы.

— Он пришёл извиниться, — глухо сказала я. — Сказал, тогда был неправ и перегнул. Это не роман. Это взрослый человек, который понял, что повёл себя как козёл.

— Взрослый человек, который тебя отшил, но потом сам приходит и вытаскивает с репы, — безрадостно усмехнулся Мартин. — Смотрит только на тебя, разговаривает только с тобой.

Он выдержал паузу.

— И, заметь, опять без нас. Как-то подозрительно много взрослых мужчин в твоей жизни предпочитают иметь с тобой дела отдельно от группы.

— Я не спала ни с Эдом, ни с Константином, — отрезала я. — Если тебе это важно.

— Мне важно не только это, — тихо сказал он. — Важно,

что ты поехала с одним, вышла с другим, и каждый раз — без нас и мимо меня.

Он криво усмехнулся:

— А потом рассказываешь: «ничего такого, просто поговорили».

Я устало выдохнула и поймала себя на том, что снова кручу на мизинце кольцо, дотрагиваясь ногтем до крошечного сердечка посередине.

— Мартин, у меня правда не роман ни с тем, ни с другим.

— Я уже сказал, — он покачал головой, — здесь не обязательно спать. Мне достаточно видеть, как Эд вокруг тебя крутится, как Константин вдруг меняет своё «нет» на «нам надо поговорить», и как легко ты идёшь на эти разговоры.

Взгляд стал жёстче:

— И как тяжело ты идёшь на разговоры со мной.

Я помолчала, потом сказала:

— И вот это — настоящая проблема. Не Эд, не Константин. А то, что у нас с тобой ничего не получается. Мы вроде стараемся, но не выходит. И за всех этих мужиков ты сейчас просто удобнее зацепился, чтобы не проговаривать очевидное вслух.

Он тихо хмыкнул:

— А за кого мне ещё цепляться? За пустое место?

На слове «место» он пожал плечами, словно только сейчас услышал себя и понял очевидное.

— И в этих точках мы и ломаемся, — спокойно сказала я.

Он смотрел, не моргая.

— Предлагаешь что? — хрипло спросил он. — Отмахнуться от всего и дальше жить как жили? Делать вид, что я не видел, как он за тобой зашёл?

— Предлагаю перестать делать вид, что мы это потянем, — выдавила я. — Нам надо расстаться.

Он резко отвернулся к окну, будто в него что-то запустили.

— Я думал, это скажу я, — после паузы произнёс он. — С формулировкой: «я не выдерживаю всех этих твоих надо поговорить с другими».

Глухо усмехнулся:

— Спасибо, что взяла на себя.

— Это не на себя, — покачала я головой. — Это на нас обоих.

Я собрала в кулак остатки честности и спокойно проговорила:

— Ты меня любишь — по-своему. Я тебя — по-своему. Но каждый новый Эд, каждый новый Константин, каждый новый заход «Анжи, выйдем», да даже Джеймс — делает тебе больно, а мне — стыдно.

Устало вздохнув, я продолжила:

— А потом мы эту боль и стыд выливаем друг на друга. И каждый раз — хуже.

Он опустил в кресло, облокотился локтями на колени, долго молчал.

— Окей, — наконец сказал он. — Тогда так: мы расстаёмся.

Поднял взгляд:

— Не потому что Константин зашёл за тобой в репу. И не потому что я однажды убью Эда, если он ещё раз подкатит со своим «я подвезу».

Его голос дрогнул.

— А потому что я больше не могу быть человеком, которому ты доверяешь меньше, чем чужому мужику в дорогом пальто.

— А я больше не могу жить так, чтобы каждое «надо поговорить» звучало как приговор, — ответила я. — От тебя, от них, от кого угодно. Значит, да. Мы расстаёмся.

Он поднялся, взял бас.

— В группе остаёмся? — спросил он уже спокойнее.

— Я — да, — кивнула я. — Если ты сможешь не смотреть на меня каждый раз так, будто за мной заходит весь мир.

Он криво усмехнулся:

— Попробую, — сказал он. — Но предупреждаю: если ещё раз в эту дверь войдёт кто-то с фразой «Анжи, надо поговорить», я могу не выдержать.

— Тогда я сама скажу: «Нет, сейчас я на репетиции», — тихо ответила я. — Это то, чему я научилась за эту неделю.

Он кивнул — коротко, по-деловому.

— Увидимся на следующей, — сказал он.

— Увидимся, — ответила я.

Когда дверь за ним закрылась, хлопок отозвался внутри тем же эхом, что и тогда, когда в неё вошёл Константин со своим «Анжи, надо поговорить».

Только теперь эта фраза, наконец, не означала «шанс» или «приговор». Она означала точка.

Я осталась одна в белой комнате. В голове шумело.

Очередные мои любовные отношения в группе закончились.

Он видел, как на меня смотрел Константин.

А мне это понравилось.

Я села прямо на пол, прислонилась спиной к стене и достала телефон. Пальцы сами нашли нужный контакт.

Лейла.

Сообщение напечаталось почти само:

«Я еду домой. Если спросишь, как прошёл день — потом расскажу».

Отправила. Захотелось плакать и смеяться одновременно.

Дверь в кабинет Константина захлопнулась. Дверь с Мартином — тоже. Дверь к Диане давно закрыта Джеймсом.

Оставалась одна — наша с Лейлой. Маленькая, скрипучая, в квартире, где мы делили один шкаф и общие похмелья.

Я поднялась, вытерла ладонью глаза и пошла к выходу из студии.

Если мир сегодня решил идти против меня — пусть сначала догонит.

Глава 5

Константин

— Точно не поедешь? Я мог бы тебя подбросить, – виновато тянет Эд.

Усмехаюсь. Прекрасно, что моя рожа сейчас вне зоны её видимости, – убила бы одним взглядом без права апелляции.

– Не надо. Всё нормально. Меня Мартин отвезёт, – её голос звучит твёрдо. Слишком твёрдо. С вызовом.

Меня аж перекосило. Кто, блядь, такой Мартин в этой их группе?

Сразу встаёт картинка: какой-то сопливый щенок, у которого молоко на губах не обсохло, но уже всюю обложился Анжи как бонусным призом.

Её обнажённое тело выстраивается в голове само, без приглашения. Реакция такая, что кровь глухо бьёт в виски. И рядом с ней – кто-то другой. Чужой.

Мне кажется, у меня реально хрустит челюсть.

Очень хочется развернуться, закинуть её себе на плечо в этом её грёбаном коротком платье и просто утащить к своей машине. А дальше уже неважно.

С отцом и Клэр как-нибудь разрулю. Разрулю. Если бы всё

было так просто.

– Эй, Конст, подожди, – пробивается сквозь гул в голове голос Эда. Он быстро спускается за мной по ступеням. – Ты куда так втопил?

– Мне ещё за Клэр надо заехать, я ей обещал, – отрезаю я.

В таком состоянии последнее, чего мне хочется, – её чудесный вечер и приторные свадебные торты.

– Слушай, может, Анжи – начинает он.

Обрываю его жёстко, чтобы до него уже наконец дошло:

– Не будет никакой Анжи. Точка. — Я ему уже всё объяснил в кабинете. Моё решение не изменится.

– Ладно, парни, я погнал. Не люблю драмы. Если будет весело – звоните, – Макс хоть немного разряжает обстановку.

Он накидывает чёрную кожаную куртку – мягкий, тонкий материал садится на него, как вторая кожа, – и идёт к выходу.

– Я тоже сваливаю, – буркнул Эдриан и быстрым шагом последовал за Максом.

Как же охрененно сейчас побыть в тишине.

Сначала домой. Холодный душ. Потом за Клэр.

Какая к чёрту дегустация может быть в девять вечера. Эту чушь могла придумать только моя невеста.

Холодный душ почти не помогает. Вода стекает по коже ледяными струями, сбегает по спине и груди, разбиваясь о тёплую плитку. Большая душевая: стекло в пол, тёмный камень, чёрный смеситель, как тонкий шрам на стене. Всё выглядит, как картинка из журнала: идеально подобранное, вы-

лизанное до блеска. И при этом – абсолютно бесполезное, когда в голове она.

Её голос. Её упрямый подбородок. Её чёртово декольте – не платье, а вызов. Слишком много кожи, слишком много намёков. В таком она – только для моей спальни, не для чужих глаз.

Вырубаю воду, беру большое полотенце, резко проводя им по волосам и плечам. Оборачиваюсь вокруг бедер, не тратя ни секунды на аккуратность, узел вполсилы – лишь бы держалось, – и иду в спальню.

Падаю на кровать, уставившись в потолок. Кровать занимает почти полкомнаты: низкая платформа, тёмное изголовье. Комната выглядит так, будто здесь живёт человек, у которого всё под контролем. Забавно.

Надо думать о чём угодно, кроме неё. О встрече с отцом. О Клэр и её долбаном тестировании тортов. О работе. Конечно. Щас.

Вместо этого всплывает тот день, когда я впервые увидел её. Анжи. Даже не живу – на мониторе.

В студии камеры висят везде. В каждой репетиционной – своё окошко. Лица, жесты, какое-то движение. Фоном. Как телевизор без звука: мельтешит – и хрен с ним.

Я сидел, сводил треки, привычно косился на экран – и тут взгляд зацепился. Даже не понял, почему. Просто завис.

Мелкая. На вид – ребёнок вообще.

Потом уже узнал, что ей девятнадцать. А тогда просто

смотрел, как она скачет вокруг микрофона, кривляется, смеётся – по губам видно. Кудряшки цвета крепкого кофе подпрыгивают в такт движениям. Фигура, рост – отпад, то, что надо. Маленькая, хрупкая, в белом летящем платье.

Но двигается как дикая кошка. Грация и какой-то ебанутый магнетизм, от которого крышу сносит даже через экран.

Я ткнул по привычке, вывел её картинку на весь экран и добавил звук.

– Посмотрим, птичка, как ты умеешь петь, – пробормотал себе под нос.

И охренел.

Я много голосов слышал. Отец с детства таскал меня по всем этим репетициям: «Смотри, сын. Учись, сын. Это всё будет твоим». Я уже на автомате различаю, где просто неплохо, а где можно работать.

Но тут это не про технику было.

Живость. Эта детская наивность в голосе, как будто она ещё не знает, как всё это дерьмо устроено. Как и правда верит, что если петь изо всех сил — мир сдвинется под тебя.

Конст, это то, что надо. Свежий глоток.

Мысль щёлкнула сама по себе. Я её тут же задвинул подальше. Мало ли сколько тут таких «свежих глотков» проходит.

Только вот после этого начал вести себя, как долбаный маньяк.

Каждый раз, когда заходил в аппаратную, первым делом

кидал взгляд на мониторы — не появилась ли. Делал вид, что просто проверяю камеры. А сам ждал эту мелкую.

Я быстро всё про неё вытянул.

Анжелика Дьюкон. Девятнадцать лет. Переехала в Чикаго с матерью в пятнадцать. Снимает квартиру с местной художницей Лейлой Хински.

В девятнадцать ты ещё веришь, что мир будет подстраиваться под тебя, если орать в микрофон достаточно громко и честно.

Я смотрел на её анкету и автоматически прикидывал разницу.

Мне — тридцать. Почти десятка между нами.

В тридцать у тебя не должно сносить башню от девчонки, которой ещё нет двадцати. В тридцать у тебя есть невеста, планы, графики, отец, который видит в тебе инвестицию, а не сына. Ты сидишь на совещаниях, подписываешь бумаги, считаешь просмотры и деньги — а не прыгаешь вокруг микрофона в белом платье.

А она

Девятнадцать. Кудряшки, смех, идиотские кривляния перед камерой — как будто снимается в своём личном клипе. Голос, который лезет под кожу, даже если очень стараешься держать дистанцию.

И именно эту малолетнюю идиотку я сегодня едва не закинул себе на плечо и не утащил к машине, как последний мудака.

Телефон взрывается звонком. Клэр.

Конечно.

Пальцы сами тянутся провести по экрану. Мог бы не брать. Но не беру только в одном случае – когда хочу войну. На сегодня войн достаточно.

– Да – голос хриплый, уставший. Хотя я всего лишь лежу.

– Константин, ты где? – без приветствия. Голос ровный, деловой, как на совещании. – Мы же договаривались на девять. Кондитер уже приехал, он с трудом нашёл окно в графике, я..

– Клэр, – перебиваю. – Я не приеду.

Пауза. Такая, в которую можно успеть передумать. Я не передумываю.

– Что значит – не приедешь? – в голосе тонкий металл. – Ты же сам сказал, что..

– Я устал, – отрезаю. – День был в аду. Я еле стою на ногах. Тебе правда не всё равно, какой из тысячи одинаковых тортов я выберу?

Она делает вдох. Я прямо слышу, как она собирает аргументы в голове по полочкам.

– Это наша свадьба, Конст. Это важно. Мы должны вместе.

– Мы уже всё выбрали, – говорю жёстче, чем собирался. – Место, дату, гостей, цвет салфеток. Торты – это уже лишнее. Выбирай любой. Мне нормально.

Её молчание становится ледяным.

– Понимаю. Работа важнее, – спокойно проговаривает. Слишком спокойно. – Ладно. Я разберусь. Отдыхай.

«Работа». Если бы ты знала, о чём я сейчас думаю.

– Клэр

– Всё в порядке, – перебивает уже мягко, натянуто. – Завтра обсудим. Целую.

Связь обрывается, даже не дождавшись ответа.

Я швыряю телефон рядом на подушку. Закрываю глаза.

И, конечно, первым делом вижу не её.

Анжи.

«Анжи — не просто артист. Она ещё верит. В себя, в музыку, в людей. Если я её возьму — я втащу её в систему, где вера — это слабость».

В голову врезаются воспоминания : глаза, которые сначала горели, а потом тухли; тех, кто приходил в офис уверенный, а выходил сломанный.

Все, кого я веду, рано или поздно проходят через мясорубку. Даже если я стараюсь смягчить удары — они всё равно летят. Что даст ей моя защита, если сама система перемалывает?

А если не я, то кто-то другой возьмётся.

Прохожу устало по лицу рукой и профессиональные факты напрашиваются сами собой Для отца — перспективный проект, хороший материал; для команды — новая звезда, в которую можно вложиться; для неё — шанс, которого у большинства вообще не бывает. А для меня ?

«Я обещал себе — не ломать чужие судьбы.

Но чем дальше я живу, тем больше понимаю: иногда ты ломаешь их просто тем, что существуешь в этой роли».

Выбор у меня, по сути, безвыходный. Куда ни поверни — везде свое дерьмо.

Сказать «нет» — и оставить её один на один с миром, который, скорее всего, даже не заметит, что она пыталась. Не пробьётся — потеряет шанс, сломается, озлобится на всех подряд: на себя, на музыку, на людей, которые «видели и промолчали». И я буду один из них. Ещё один взрослый, который мог вмешаться, но вежливо слился под видом «я просто не лезу».

Сказать «да» — и взять на себя риск, что однажды именно я скажу: «Контракт расторгнут. Ты больше не нужна. Мы закрываем проект». Моим голосом, моей подписью у неё может треснуть всё, во что она верила.

Лежу на кровати, еще тёплый после душа, полотенце на бёдрах, влажная кожа остывает в полутьме спальни. Смотрю в потолок, как идиот, будто там сейчас высветится единственный правильный ответ.

— Ну? — говорю в пустоту. — И что ты сделаешь, Костя?

Ответа, разумеется, нет. Есть только тишина, капля воды, скатившаяся с волос на шею, и тупая мысль, что я снова застрял.

Внутри начинает подниматься раздражение — на себя, на неё, на весь этот цирк. Я рывком поднимаюсь, сдёргиваю с

себя полотенце и швыряю его в сторону кресла. Ткань с глупым шлепком падает на пол, расплзается белым пятном.

Тело чуть подаётся вперёд от резкого движения, мышцы под кожей реагируют знакомой упругой тяжестью — это единственное, что в жизни поддаётся контролю безошибочно: сколько вложил, столько получил. В этом нет ни лжи, ни «просто бизнеса».

Я открываю шкаф, вытаскиваю мягкие домашние штаны, натягиваю их на ещё влажную кожу. Ткань цепляется, слегка тянет по бёдрам. Пояс садится точно туда, где надо, — как будто фиксирует меня, заземляет.

Становится хоть немного терпимее: голый и растерянный — одна степень честности, одетый и собранный — другая. — Так, — выдыхаю. — Ладно. Дальше.

Иду на кухню. Холодный пол под босыми ступнями быстро отрезвляет. Открываю шкафчик, достаю бутылку, без колебаний наливаю себе виски почти до половины стакана. Никакого льда, никакой эстетики. Просто инструмент.

Первый глоток прожигает горло, разливается тёплой тяжестью в груди. Ненамного легче, но по крайней мере мысли становятся чётче.

Возвращаюсь в комнату, сажусь в кресло у окна. Сажусь широко, по-домашнему: ноги чуть раздвинуты, одна ступня упирается в пол, вторая полусогнута. Штаны мягко обтягивают мышцы на бёдрах, пояс ещё раз напоминает — я в своём пространстве, здесь решаю я. Хоть где-то.

Город внизу пульсирует огнями, как отдельный организм, которому до меня нет дела. А мне до него — сейчас тоже.

Если я скажу нет, она останется в своих барах со своей дешёвой аппаратурой и случайными зрителями. Может, выскочит сама. Может, нет. Может, через несколько лет будет пить на кухне и говорить кому-нибудь: «Ко мне один продюсер подходил, говорил, что есть шанс и так и не перезвонил». И этим «не перезвонил» буду я.

Если я скажу да — я запускаю её в тот мир, где знаю каждый закоулок.

Я закрываю глаза и вижу это так ясно, словно уже было.

Анжи на сцене. Нормальный звук, внятный свет, зал гудит, первые настоящие аплодисменты. Она поёт, и в её глазах — неподдельная, почти хрупкая радость: наконец-то меня слышат по-настоящему.

Я делаю ещё глоток. Виски уже не режет так сильно.

Потом в эту картинку начинают въедаться детали, которые я знаю наизусть.

Требования. Планёрки. Комментарии: «Эту песню убери, не формат». «Тут нужен поскандальнее инфоповод». «В интервью поплачь, людям нужна честность». «Тут поярче оденься, поиграй сексуальностью, аудитория это любит».

Интервью по расписанию, съёмки с утра до ночи, при этом — обязательные «будь живой, будь настоящей». Лечёная усталость в глазах, таблетки, чтобы держаться, таблетки, чтобы вырубиться.

И где-то рядом — я.

Тихий, собранный, всё контролирующий. Человек, который решает: выпускать, сливать, давить, тормозить. Тот, от чьих решений будет зависеть, дойдёт ли она до точки невозврата — или я сам аккуратно доведу её туда.

Я смотрю на своё отражение в тёмном стекле, усмехаюсь безрадостно: — Прямо мученик совести, Константин.

И тут подползает та самая мысль, от которой внутри становится липко.

А если всё это — фиговый листок для моего страха?

Я рассказываю себе, что не хочу её ломать, что берегу ей крылья, что такой весь принципиальный. А может, я боюсь не за неё, а за себя. Боюсь снова стать тем, кто обрезает крылья. Боюсь увидеть в её глазах момент, когда она поймёт: «Ты такой же, как все. Ты из тех, кто говорит: Это просто бизнес».

Я делаю глоток, ставлю стакан на подлокотник, говорю полшёпотом: — Может, мне просто удобнее прятаться за я не хочу её ломать, чем признать, что я уже часть силы, которая ломает.

Эта мысль отвратительна, но честна.

Я слишком хорошо знаю, в какой системе вырос. Как в меня с детства вбивали: деньги, эффективность, дистанция, «не привязывайся, людей много».

Ничего личного. Любимая отцовская мантра.

Я наливаю ещё немного — уже не для опьянения, для ри-

туала. Держать в пальцах стакан проще, чем держать в голове все эти «если».

Нравится мне это или нет, но Анжи уже в зоне моей ответственности. Хотя бы потому, что я о ней думаю ночами вместо того, чтобы спать или заниматься чем-нибудь, что приносит деньги.

Я прокручиваю её возможное будущее, и от того, что я решу сейчас, у неё действительно может всё повернуть по-другому. Это отвратительно честный факт.

Я катаю стакан в ладони, чувствую, как стекло греется от кожи.

— Если я всё-таки за неё возьмусь, — говорю вслух, — тогда я не имею права работать с ней так же, как со всеми.

Фраза звучит неожиданно твёрдо.

— И если когда-нибудь придётся выбирать между выгодой и тем, чтобы оставить ей крылья — я усмехаюсь сам себе, — я должен буду выбрать её.

Должен буду. Красиво. Прямо как в сказке.

— Вопрос в одном, — я снова смотрю на своё отражение: запотевшее слегка стекло, тёмный силуэт, голый торс, мягкие штаны, напряжённый взгляд. — Хватит ли у тебя на это сил?

Тишина не льстит.

— Или в какойто момент ты опять подмахнёшь бумагу и скажешь: «Это просто бизнес».

Фраза отца. Фраза, которой я сам уже пользовался. Не раз.

Спокойно, без дрожи в голосе.

От этого внутри становится тяжело почти физически. Под грудной клеткой сжимается старый знакомый ком — смесь стыда, злости и понимания, что система работает, а я — часть системы.

Я откидываюсь глубже в кресло, закидываю одну ногу на другую. Ткань штанов натягивается на бедре, мышцы едва заметно напрягаются — это движение возвращает меня в тело, в реальность, хоть на секунду отрывает от собственных разборок.

Да. Вот поэтому я и тяну с решением.

Завис в промежутке: между искренним желанием её защитить и не менее искренним страхом, что именно моя защита и станет началом её падения.

Я знаю цену таким историям. Я уже был тем, кто говорит: «не зашло», «не тянет», «надо расставаться». И именно поэтому с самого начала не хотел браться за Анжи. Лучший способ никого не сломать — не трогать. Трусливо, но логично.

Допиваю, ставлю пустой стакан на подлокотник.

И меня накрывает воспоминание.

Мне лет, наверное, десять. Я сижу в углу гримёрки, ноги не достают до пола, и стараюсь не шуршать пакетом с соком. За дверью — гул зала, бас бьёт в стены, как сердце у кого-то очень большого и злого. Пахнет потом, табаком и дешёвыми духами. Мир взрослых.

Передо мной — она. Певица. Я её видел год назад на прослушивании. Тогда у неё руки дрожали, но глаза светились так, что я даже отвернулся — было стыдно смотреть. Она тогда пела как будто молилась. Отец сказал: «Сырьё, но потенциал есть». Я не понял, обидно это или хорошо, но она улыбалась, значит — хорошо.

Сейчас она сидит на стуле, смотрит в зеркало и не видит себя. Губная помада размазана, голос сорван, на столе пластиковый стакан с чем-то крепким. Она смеётся слишком громко и сразу же кашляет — такой сухой, взрослый кашель, как у старых курильщиков.

— Константин, — она поворачивается ко мне, — ты ж у нас главный наследник, да? Империя Равенски, все дела

Я краснею. Ненавижу это слово — «наследник». В нём слишком много чужой гордости и слишком мало меня.

— Ну отец так говорит, — мну я край стула.

Она подмигивает, но глаза у неё мутные.

— Скажи ему, а? Скажи, что я ещё вытащу эту цифру. Ещё один шанс, Кос. Я всё исправлю. Я могу лучше, правда.

Я знаю, что уже был разговор в офисе. Я слышал сквозь дверь ровный голос отца: «Мы отработали год. Результата нет. Хиты не идут. Образы не ложатся». Слышал, как она сначала спорила, потом плакала, потом молчала. А потом тишина и звук, как кто-то поставил тяжёлую точку ручкой по бумаге.

Я смотрю на неё и не понимаю, как один и тот же человек

может быть сразу такой сильной и такой развалившейся. Как можно вот так держаться за шанс, которого уже нет.

— Я скажу, — тихо отвечаю, хотя знаю, что ничего не изменится.

Дверь открывается, заходит отец. На нём тёмный костюм, на лице — вечная усталость и та самая сосредоточенность, как когда он слушает новый трек. Он кидает на меня быстрый взгляд: сиди, не лезь. Я автоматически выпрямляюсь.

— Собирайся, — говорит он ей сухо. — После концерта — разговор. Но не надейся. Мы и так тянули дольше, чем должны были.

Она вдруг улыбается, как ребёнок.

— Значит ещё один концерт? Ещё один раз?

— Последний, — отрезает он.

Когда он выходит, я слышу, как она выдыхает, как будто ей действительно подарили жизнь. А мне почему-то кажется, что её только что продлили на ещё один круг перед казнью.

Вечером я стою сбоку сцены. Свет бьёт ей в лицо, зал кричит, но я вижу, как она цепляется за каждую ноту, как за край обрыва. Она фальшивит, срывается, но улыбается, так словно всё под контролем. Отец рядом, руки скрещены на груди. Лицо каменное.

После концерта я возвращаюсь в ту же гримёрку. На диване её пиджак, на столе — недопитый стакан. Её самой нет. Только администратор, который спокойно говорит в телефон:

— Да, Алексей Игоревич, она не пришла. Исчезла. Да Понимаю. Всё, вычёркиваем.

В трубке даже отсюда слышен голос отца:

— Слабая. Слабых тут ломают.

Я стою в дверях и чувствую, как внутри всё холодеет. Мне десять лет, а я уже понимаю: здесь людей просто вычёркивают. Как строки в неудачном тексте. Как, если бы человека никогда не было.

Я смотрю на её пиджак и почему-то думаю о крыльях. О том, что кто-то когда-то сказал ей: «Ты полетишь». А потом подписал с ней контракт, пообещал сцены, города, тиражи. И вот она где — забытая куртка на диване и строчка в чьём-то отчёте: «Проект закрыт».

В ту ночь отец допоздна сидит в офисе. Я засыпаю у него на старом кожаном диване, а он, проходя мимо, накрывает меня своим тяжёлым пиджаком — плотная шерсть, тёплая от его тела» Пахнет табаком и одеколоном. Тёпло. Безопасно.

И где-то между сном и бодрствованием я слышу, как он кому-то в трубку говорит спокойным голосом: — Это бизнес. Мы не можем спасти всех. Я не благотворительный фонд.

Я сжимаю пальцы в кулак так сильно, что ногти впиваются в ладошки. И впервые в жизни думаю об этом не просто как о смутной досаде, а как о решении.

В голове тогда это звучало гораздо проще:

Я так не буду. Не буду бросать людей. Если смогу помочь

— помогу. Всегда.

Тогда мне казалось, что клятва что-то значит. Что можно вырасти в этом мире, но не стать им.

А уже потом я сам для себя перевёл это на взрослый язык: Я никогда не буду вычёркивать людей, как ненужные тряпки. Не буду их ломать и если от меня хоть что-то зависит — я дам шанс, а не заберу.

А с годами пришел к выводу, что : мир Равенски не спрашивает, кем ты хочешь быть. Он просто даёт тебе ручку и указывает, где ставить подпись.

Я поднимаюсь, иду к бару, наливаю себе ещё. Стекло звякает о бутылку — почти как тогда та самая тяжёлая точка по бумаге. Я делаю глоток, чувствую, как обжигает горло, и вспоминаю, как впервые вообще произнёс о ней вслух — не в голове, не в своих фантазиях.

Сидели тогда с Эдрианом — какой-то бар, какой-то день. Для остальных это был бар. Для нас — ещё одна переговорка без протокола.

Полутёмный зал, мягкий тёплый свет, столик в глубине, куда не сажают случайных. У Эдриана в руках бокал красного — дорогое сухое, на которое он даже не смотрит, только лениво крутит за ножку. У меня — виски безо льда. Фоновый джаз, который никто не слушает.

Всё как всегда.

Я делаю глоток, смотрю куда-то мимо него и максимально буднично говорю, бросаю фразу как неважную деталь между

отчётами: — Есть одна девчонка. Хорошо поёт.

Только эту вершину айсберга. Без продолжения про то, что уже три месяца как идиот смотрю на неё через рабочие камеры студии. Без признания, что знаю расписание её репетиций лучше, чем свои встречи. Что ловлю себя на том, что жду именно её — а не совещаний, не сделок.

Для Эда это прозвучало сухо, как очередной талант.

Эдриан хмыкает: — С каких пор ты вообще замечаешь одну девчонку? Показывай.

Я пожимаю плечами, достаю телефон, открываю архив и нахожу нужную папку. Папку, где вместо дат — названия смен: «среда / поздно», «четверг / битком», «почти пусто».

Записи с камер. Картинка сверху, слегка искажённая, с датой в углу. Репетиционный зал под рабочим названием White Studio. Она в центре кадра — маленькая, но достаточно чёткая, чтобы не перепутать.

Я ставлю на паузу, разворачиваю экран к нему: — Вот. Смотри.

Он наклоняется, всматривается. На записи она, как раз тянет верхнюю ноту, голова чуть запрокинута, волосы падают на плечо, свет выхватывает скулу.

— Случайная запись, Конст, — фыркает Эдриан. — Ты совсем поехал.

Пауза. Он щурится уже иначе: — Но поёт неплохо. Отправь мне это. И ещё, что у тебя есть.

Я блокирую экран, киваю, делая вид, что мне всё равно:

— Окей. Просто, чтобы ты знал, кто это.

А потом Эд однажды сам её увидел. Случайно оказался в том баре «по делам». Увидел. Услышал. Познакомился, конечно. Влез в друзья, естественно. Это же Эд.

Когда он потом сияя рассказывал мне: — Слушай, прикинь, нашёл её, поёт охрененно, я ей уже сказал, что у нас, возможно, есть варианты — у меня внутри всё сжалось.

Я очень чётко понял: если я сейчас продолжу сидеть в тени и философствовать, я её просто потеряю. Снова буду тем, кто «вовремя не вмешался».

Пришлось брать инициативу.

Я сделал вид, что мне вообще всё равно:

— Окей. Привези её ко мне. Посмотрю.

В моей голове это было аккуратно: тихо, без лишних глаз, без громких слов. Просто посмотреть на неё самому, не через камеры, не через чужие рассказы.

Но Эд, идиот, как всегда всё понял по-своему.

Он не просто привёз Анжи. Он ввалился с ней ко мне в кабинет так, будто мы уже ведём переговоры о контракте. С порога заговорил о продюсировании. В лоб. Без подготовки, без пространства для манёвра. А в довесок на какой-то хрен приволок звуковика Макса.

И я стоял полуголый внутри своей головы и предельно одетый снаружи — в роль, в статус, в продюсера Константина — и понимал, что все мои осторожные сценарии можно засунуть вниз по списку. Пришлось действовать по ситу-

ации. По живой, настоящей, где Анжи стоит в моём кабинете и смотрит на меня своими глазами, а не по выдуманной, где я издали решаю — спасти её или не трогать.

И вот я снова сижу у окна, в домашних штанах, с голым торсом и пустым стаканом и понимаю простую вещь: решение я начал принимать уже тогда, когда впервые мельком увидел её на экране монитора.

Всё остальное — только попытки догнать самого себя и честно ответить, готов ли я быть тем, кто даёт крылья, зная, что по документам за мной всегда остаётся право обрезать их в любой момент.

Резкий звонок в дверь возвращает в реальность. Кидаю взгляд на часы — 23:00, заливаю в себя остатки виски и иду к двери. На экране — Клэр.

— Не вовремя, — выдыхаю, чувствуя, как всё внутри сжимается.

Нажимаю кнопку, короткий сигнал — дверь открылась. Через пару минут в квартиру заходит моя невеста. Я даже не удосуживаюсь её встретить — вместо этого снова иду к бару. В голове уже начинает гудеть — именно то, что мне нужно.

— Константин, у тебя всё хорошо? — на меня смотрят большие голубые глаза.

Слегка затуманенный взгляд скользит по белой коже, по мягким пухлым губам и задерживается на строгом чёрном платье, подчёркивающем линию груди. По ткани рассыпались ухоженные белокурые кудри — идеально рассчитанная

небрежность. Не отрывая глаз, залпом допиваю напиток.

— Зачем пришла? Торты закончились? — специально режу так, чтобы задело. Она недавно уже уходила.

— Что-то на работе произошло, — она аккуратно стягивает с ног чёрные матовые лодочки и проходит ко мне на кухню. — Ты сегодня хоть что-нибудь ел? — начинает рыться в шкафах, заглядывает в холодильник.

А мне хочется швырнуть этот стакан в нашу идеальную серую стену. Но вместо этого я хватаю свою невесту и впиваюсь в её губы. Не целую — вгрызаюсь. Одна рука смачно сминает её упругие ягодицы, вторая уже нащупывает молнию на хлопковом платье. Клэр пытается что-то сказать, но мне плевать — я только сильнее надавливаю, заглушая любые звуки.

Она дёргается, но не отталкивает. Пальцы скользят по натянутой коже моих плеч, цепляются за жёсткие, забитые тренировками бицепсы, будто ищут опору и хоть какое-то равновесие в этом напоре.

— Кос подожди — её голос ломается где-то между просьбой и попыткой понять, что со мной происходит.

Я отрываюсь ровно на секунду. Смотрю на неё как сквозь стекло: вижу идеально собранный образ — нюдовый макияж, аккуратный маникюр, тонкие золотые серьги-кольца, это платье, созданное для ресторанов и приёмов, а не для нашей кухни.

«Не сейчас, Клэр», — должно было прозвучать. Вместо

этого я только сильнее сжимаю её талию.

На столешнице мерцают остатки виски, в отражении чёрного стекла окна — чужой мужчина с пустым взглядом. На секунду мелькает мысль, что можно всё остановить: налить воды, дать ей договорить про работу, про ужин, про нас.

Я отвожу взгляд.

— Пойдём отсюда, — говорю хрипло. — В спальне больше места.

Она на секунду моргает, потом кивает. Это же про нас: красиво, правильно, по книжке. Та самая «идеальная пара» в идеальной квартире.

Через минуту мы уже в спальне. Высокий этаж, панорамные окна во всю стену, за стеклом — город, рассыпанный огнями. Бежевый ковёр глушит шаги, мягкий свет из встроенных бра скользит по фактурным обоям и графитовому изголовью кровати.

Только внутри — гулкая тишина.

Клэр садится на край кровати, машинально поправляет кудри, как будто входит в рекламный ролик нашего с ней «идеального дома». Я не даю ей ни секунды на вопросы — снова притягиваю к себе.

Клэр цепляется за меня, стонет моё имя, проводит ногтями по спине так, будто я — центр её мира. А я просто механически держу заданный ритм, загоняя себя в тупую физическую усталость — до того состояния, когда тело горит, а голова, возможно, замолчит хотя бы на минуту.

Я вбивался в неё до изнеможения, словно количеством движений можно было заглушить одно имя. Не её.

Я сам не понимал, кого наказываю сильнее: Клэр — за то, что она не Анжи, себя — за то, что ложусь с другой, а в голове всё равно только её лицо, или саму Анжи — за то, что, возможно, сейчас так же выгибается под другим.

Каждый толчок был не о её удовольствии — о моей злости. За то, что даже здесь, в этой идеально собранной жизни, в этой «правильной» спальне с видом на город, меня нет до конца.

Потому что чем громче стонала Клэр, тем отчётливее в голове звучало только одно имя. И оно не принадлежало женщине подо мной.

Глава 6

Анжи

С того вечера пошёл отсчёт нашего времени — времени длиною в жизнь.

После репетиции я поймала такси и поехала домой. Голова раскалывалась, мысли путались, улицы за окном сливались в одну серую ленту. Я почти не помнила, как мы выехали из центра Чикаго, как проскочили мосты и свернули к озеру.

Мелькнул знак Lake Shore Drive. Потом — Fullerton.

И знакомое ощущение: здесь даже воздух другой. Тише. И от этого опаснее — в тишине слышно себя.

Мы жили в Линкольн-Парке, в высотке у воды. Окна выходили на две стороны. С одной — озеро: ночью гладкое, чёрное, почти пустое.

С другой - в окнах напротив — чужие жизни. Кто-то ужинал, кто-то ругался, кто-то просто был. Как будто у всех всё нормально, а ты словно стоишь между этими мирами и не можешь понять, какой из них твой.

Мы жили здесь вдвоём — я и Лейла. Хрупкая на вид, сильная внутри. Из тех, кто улыбается так, словно ей нико-

гда не делали больно — и ты почти веришь. А зря.

Дом. Лифт. Шестнадцатый этаж. Дверь.

Я дома.

Снимаю ярко-синее пальто-халат. Он тяжелый, почти как броня, как напоминание, что я всё ещё держусь. Вешаю в узкий шкаф -щелкает вешалка, так словно всё заканчивается, хотя день не закончился, он всё ещё висит в воздухе.

Квартира встречает меня полумраком, без людей, без звуков. Лейлы нет, и это как-то странно успокаивает. Я могу хоть на минуту перестать думать о том, что нужно что-то делать, кому-то что-то сказать, что я кому-то что-то должна.

Сдёргиваю сапоги, скидываю платье — ткань липнет к коже упрямо и неприятно — и почти без сил иду в ванную. Горячая вода обнимает меня, и я сползаю до подбородка, закрывая глаза.

Но мысли не исчезают. В голове — только обрывки.

Поездка. Чужая машина. Чужой запах. Кабинет. Свет.

Портрет — тот самый, который я рассматривала в студии слишком часто, точно заранее знала, что он однажды станет реальным.

И он стал. Не краска — человек.

Его голос. Его взгляд. Мой вдох — и его отказ.

Потом влетели ребята. Внезапно, громко, не вовремя. Джеймс, как всегда, устроил свою вечную борьбу за власть — взглядом, шутками, подколом. И Мартин — слишком спокойный, слишком взрослый, чтобы не понять: между нами

уже трещина. Мы с ним расстались, кажется, ещё до того, как сказали это вслух.

Нырять в воду с головой. Тишина. Я остаюсь в ней, пока хватает воздуха. Всё остальное — ничто. Без людей, без Константина, без музыки. Просто тишина и глухой стук сердца.

Выныриваю резко, жадно хватая воздух, как только что спаслась.

Но вода остывает. И я вместе с ней.

Я закрываю глаза — и в этот момент слышу щелчок входной двери.

Лейла дома.

Сначала — её музыка: тонкое звяканье ключей. Потом каблуки: два быстрых удара и один ленивый, как точка с запятой. Она идёт так, точно не просто возвращается, а входит в зал, где её ждут. И приходит, как всегда, вовремя.

— Анжи, — голос Лейлы осторожно просачивается в щель. — Ты жива там?

Я не отвечаю. Не потому что мертва — потому, что не хочу выходить из своего одиночного режима. Ощущение, что сейчас нужно выбрать статус: «онлайн» или «не беспокоить», и оба не подходят.

Дверь распахивается. Так может только Лейла — словно это не ванная, а её сцена, и она имеет на неё право.

Я поворачиваю голову.

В проёме она держится за косяк одной рукой, в другой — туфли на тонких ремешках. Короткое розовое платье: чистая

линия, плотная посадка. Сексуально, но без капли просьбы. Не вызов — стратегия.

Она переступает порог, и в жёлтом свете ванной её кожа ложится ровным тёплым тоном — светлая, с медовым подтоном, как безупречный загар, который не бывает случайно.

Апельсиновая цедра парфюма на секунду перекрывает запах горячей воды и мыла — тёплая, горьковатая, с сухим древесным шлейфом. Аромат который просто ставит точку.

Поправляет ремешок на запястье так, словно подбирает себя по размеру. В зеркале на миг мелькают её волосы — волнистые, светло-каштановые, ниже груди; она сдувает прядь и смешно морщит нос. Жест почти девочки, который у неё всегда звучит как прикрытие.

Взглядом она сначала обводит комнату — плитку, зеркало, ровный ряд баночек — и только потом меня. Черты у неё тонкие, выверенные, почти фарфоровые, но глаза не дают обмануться: карие, густые, с золотистой искрой, большие; в них одновременно «я тебя согрею» и «я тебя просчитаю». И никогда не понимаешь, где заканчивается забота и начинается охота.

Мы смотрим друг на друга три секунды.

Я — утопленница в белой пене. Она — собранная, будто даже катастрофы у неё ходят строем.

— Ого, — она прищуривается. — У нас тут официальный траур или репетиция похоронной сцены? Ты хотя бы предупреди.

Кивает на себя:

— Я бы чёрное надела.

Я лежу в ванне почти по подбородок. Вода остыла, и от этого злость внутри звучит тише, чем должна бы.

— Закрыто, — бурчу. — Монолог. В одну актрису.

Лейла ставит клатч на стиралку — тихо, точно. Как человек, который любит порядок не из-за уюта: порядок даёт ощущение контроля.

Почти сразу — короткая вибрация.

Телефон она достаёт лениво, одним движением, словно это не звонок, а уведомление о погоде. Экран на секунду подсвечивает лицо снизу.

Марк.

Она даже не меняется в лице. Только уголок губ дёргается — почти довольная, почти скучная.

Сбрасывает. Без «я перезвоню», без оправданий. Марк подождёт. Марк всегда ждёт.

Лейла убирает телефон обратно и подходит ближе. Наклоняется ровно настолько, чтобы её тень легла на воду, и смотрит на меня так, точно проверяет температуру не ванны — моего состояния.

— Ты хоть воду меняла с того момента, как начала драматизировать?

— Зачем, — я пожимаю плечом. — Я и так на дне.

— Ну это я вижу, — сухо говорит она. — Очень органично. Роль утонувшей надежды.

Я фыркаю. Не смешно — но смешнее, чем плакать.

Она снова сдувает прядь. И её улыбка на секунду становится настоящей — той самой, которой Лейла умеет делать уют даже из катастрофы.

Я невольно смотрю на неё и думаю, как она умудряется быть одновременно моей девочкой — и человеком, который никогда не позволит себе остаться без защиты.

— Я сейчас, — говорит Лейла. — Не утони тут без меня. Она исчезает в дверном проёме.

На секунду — тишина: только вода и моё ровное, слиш-ком ровное дыхание. Я даже успеваю подумать, что она решила проявить тактичность и уйти.

Ага. Щас.

Через минуту дверь распахивается снова. В руках у Лейлы бутылка шампанского.

— Так, трагическая нимфа, — говорит она. — Если ты решила топить своё горе, то минимум в Dom Pérignon, а не в собственных слезах.

— Ты с ума сошла, — не выдерживаю я. — Это же подарок. На особый случай.

Лейла хмыкает и срывает фольгу одним движением — как пластырь.

— Реквием по Анжи. Чем тебе не особый случай.

Щёлчок. Пробка тонет в белой дымке. Пена ползёт к её пальцам; она слизывает сбежавшую каплю — и только потом разливает по тонким бокалам.

И, не моргнув, заходит в ванну — прямо в этом коротком розовом платье с открытой спиной. Ставит бутылку на край. На секунду мелькают лопатки — чёткие, аккуратные. Приподнимает подол, чисто символически, и делает шаг в воду. Платье темнеет и липнет к коже, а она остаётся спокойной и грациозной.

Я смотрю на неё и не выдерживаю:

— Ты выглядишь как мокрый розовый фламинго, вытасченный из озера.

— И всё равно выгляжу лучше, чем половина твоих бывших, — сухо отвечает Лейла. — Так что заткнись и пей.

— Ты больная, — выдыхаю я, но уголки губ всё равно дёргаются.

— Я — да, — она пожимает плечом. — Но у тебя вкусы похуже.

Лейла протягивает мне фужер.

— За что? — бурчу я.

— За то, — отвечает она, — что ты до сих пор не вышла замуж за бармена и не уехала с ним в Висконсин. Значит, не всё потеряно.

Я ухмыляюсь и делаю глоток. Холодное шампанское обжигает горло пузырьками. Я тянусь к крану, добавляю горячей воды — и пар тут же стирает границы между нами.

Лейла тоже делает глоток и прищуривается, всматриваясь в меня, как в чужую переписку.

— Ладно. Давай ещё раз. Кто? Новый бармен? Басист?

Тот фотограф с прошлой недели?

— Это не из бара и не Мартин, — коротко отвечаю я.

Её бровь чуть приподнимается.

— О, — тянет она. — Значит, серьёзный персонаж. Богатый взрослый дядя.

Я молчу. Я умею пользоваться людьми. Я умею пользоваться — тем, как на меня смотрят, как реагируют, как ведутся. Обычно я выбираю, когда мне страдать, и сколько именно.

Сейчас выбора нет.

Лейла всё считывает по лицу.

— А, — понимает она. — Тот самый. Продюсер-гений.

Скажи честно: он тебе отказал или ты ему?

Я отворачиваюсь и делаю ещё глоток. Слова срываются сами, злые и беспомощные.

— Я даже не понимаю, что со мной, Лей. Я как дура. Он сказал нет — и у меня внутри всё вывернулось. Это вообще не похоже на меня.

— На тебя похоже всё, где ты в центре, — спокойно отвечает она. — И он тоже. Извини. Просто этот центр вдруг перестал на тебя смотреть.

Внутри всё сжимается. Пальцы стискивают гладкое стекло; холод проходит по коже, как напоминание, что я ещё держусь. И всё равно слушаю.

— Я не собиралась — выдыхаю я. — Это вообще не по плану.

— Расслабься, — фыркает Лейла. — Никто никогда не собирался. Если бы это можно было планировать, мы бы с тобой давно уже сидели с богатыми мужьями в пригороде и выбирали цвет забора.

Мы обе замолкаем и слушаем, как капает вода.

— Слушай сюда, Анжи. — Лейла подаётся вперёд. Светло-карие глаза смотрят прямо в меня. — Сегодня ты плачешь по одному. Завтра будешь смеяться с другим в баре. Ты же сама знаешь: ты заходишь — и уже половина зала хочет узнать, как тебя зовут.

— Сегодня не хочет, — бурчу я.

— Сегодня ты просто размокший приз, — Лейла пожимает плечами. — Завтра высохнешь, наденешь своё золотое платье — как обещание — и снова корона из пайеток. Ты не та, кто умирает из-за одного «нет». Ты та, кто потом пишет песни так, что у него уши вянут от сожаления.

Я смотрю на неё — мокрую, в розовом платье, с тушью, которая держится так, что не имеет права потечь.

— Ты ненормальная, — повторяю я уже с лёгкой улыбкой.

— Я — да, — кивает она. — Но я твоя. Так что прекращай этот вид «меня списали со счетов». Тебе девятнадцать, ты выглядишь как реклама греха, и если этот взрослый умник не смог с этим справиться — это его проблема, не твоя.

Она тянется к бутылке и, прищурившись, добавляет:

— И да. На всякий случай. Если ты всё-таки решила «навсегда» — не делай из этого тюрьму. У тебя ещё слишком

много сердец в очереди, чтобы разбить. Не позорь стаж.

Она поднимает бутылку, собираясь долить в быстро пустеющий бокал, но мокрые пальцы срываются со стекла.

Горлышко уходит из её рук. Бутылка делает красивое сальто над водой — и с глухим тук ложится на дно.

Мы одновременно замолкаем.

Смотрим вниз: на дне, среди мыльной взвеси и наших колен, лежит Dom Pérignon — как утонувшая роскошь.

— Ты утопила шампанское, — тихонько стону я.

— Шампанское — это то, что стоит в супермаркете.

Пауза. Она смотрит на бутылку внизу, потом поднимает подбородок:

— А вот это, — кивает на дно, — это уже образ жизни, детка.

Пузырьки поднимаются к поверхности — как маленькие мыльные души. И мне вдруг становится смешно от самой картинки: я — полуразмокшая утопленница, она — фея в розовом платье, премиальное игристое на дне ванны. Всё это так же не к месту, как кабриолет во дворе нашего спального района.

— Ну всё, — вздыхаю я. — Мой образ жизни официально утонул.

— Ничего, всплывёт, — невозмутимо отвечает Лейла. — Твой образ жизни вообще не тонет. Максимум — меняет марку.

Я фыркаю, но она не даёт мне окончательно уйти в само-

иронию. Смотрит прямо, не моргая:

— Запомни, Анжи: ты не девочка, которая пьёт по акции, чтобы забыться. Ты — та, ради которой открывают лучшее, что есть в доме. И если кто-то этого не понимает топить надо не игристое.

Пауза повисает в паре: ванна, вода, тёмное стекло на дне. Её мокрое розовое платье. Моя дрожащая улыбка.

— Господи, — не выдерживаю я. — Ты сейчас звучишь как мотивационный спикер из стрипклуба.

— Из очень дорогого стрипклуба, — уточняет она с достоинством.

И в этот момент меня прорывает. Сначала короткий смешок — потом накрывает волной. Я сгибаюсь пополам; вода плюхается о края, по щекам текут уже непонятно — слёзы или брызги.

— Что ты, что ты несёшь вообще, — пытаюсь выговорить я сквозь смех.

— Мудрость, — обижается она. — Высшую.

— Высшая мудрость, — утираю глаза тыльной стороной руки, — в мокром мини и утопленном образе жизни.

— А ну тихо, — командует Лейла. — Не порть мне момент глубины.

Приглушенный свет ложится кольцом в круглом зеркале. Тёмный камень вокруг ванны блестит влажно и спокойно — словно он тоже слушает её монолог.

В ответ я шлёпаю ладонью по воде. Брызги летят ей в ли-

цо.

— Ты что! — она театрально взвизгивает, зажмуриваясь.

— Я же тут почти монолог на «Оскар» выдавала!

— Выдала, — задыхаюсь я от смеха. — Сейчас будет музыкальный номер.

Она сощуривается:

— Ах так.

Зачерпывает воду обеими руками и с размаху плескает в меня. Меня окатывает до лица; капли забиваются в волосы.

— Лейла! — визжу я, откидывая мокрые пряди назад. — Ты ненормальная!

— Зато весёлая, — и следующая волна прилетает мне в грудь.

Мы начинаем плескаться всерьёз: я — в ответ, она — ещё сильнее. Вода переливается через край, расплзается по тёмной плитке, шлёпает по коже. На широком бортике дрожат бокалы, а бутылка на дне перекатывается, глухо стучаясь о стенку ванны, — как сердитый метроном.

— Остановись, — смеюсь я, уже почти без воздуха. — Соседи подумают, что мы тут кого-то топим!

— Мы топим, — соглашается она, тяжело дыша, и плескает снова. — Твою драму.

— Мою укладку! — кричу я.

— Укладка уже погибла, смирись, — отрезает Лейла. — Зато родилась новая женщина.

Я смеюсь так, что сводит живот. Вода вокруг ходит кру-

гами — будто и она не успевает за нашим хаосом. На камне остаются россыпи капель; тёплый свет цепляется за них и делает мокрый беспорядок почти нарядным.

Наконец мы обе оседаем по краям ванны, тяжело дышим. Поверхность постепенно успокаивается, тихо покачивается — словно приходит в себя.

Лейла убирает с лица мокрые кудри. Платье из шёлкового сатина прилипло к её бёдрам; блеск стал тише — почти интимный. Чёрный настенный смеситель над нами выглядит слишком строгим для того, что здесь происходило.

— Ну что, — хрипло выдыхает она. — Официально объявляю: ванна освящена, драма смыта, игристое крещено.

— И психи подтверждены, — добавляю я, хватая воздух.

Мы переглядываемся — и одновременно прыскаем, но уже тише, мягче. Вокруг мокрый хаос: пол залит, на бортике всё в каплях, а на дне мерцает золотая кромка этикетки.

И вдруг я понимаю: между брызгами, её мотивационными речами и этим громким смехом моя боль перестаёт быть центром вселенной.

— Лей, — тихо говорю я.

— М? — она смотрит на меня, приподняв бровь.

— Спасибо, что пришла.

Она делает вид, что закатывает глаза. Нырять рукой, нащупывает на дне горлышко и тянет к себе.

— Не льсти себе, — фыркает. — Я пришла с игристым и планом. План утонул первым. Так что да: спасаем бутылку

— потом тебя.

Я смеюсь ещё раз. Вода тёплая, воздух лёгкий — и вся тяжесть последнего дня отступает хотя бы на шаг.

И это именно то, что нужно.

Глава 7

Анжи

Квартира стихает не сразу — как после громкой песни, когда в ушах ещё звенит. Лейла что-то бормочет и проваливается в сон, так и не сняв до конца платье. Из ванной тянется редкое кап-кап: где-то не до конца закрыт кран. Мокрые следы на плитке липнут к ступням, когда я на цыпочках возвращаюсь в комнату.

Я не ложусь.

Беру телефон — просто чтобы занять руки. Открываю закладки. Экран холодный, белый, слишком яркий для этой ночи — и всё равно я смотрю в него, словно это единственное место, где можно говорить вслух и не быть услышанной.

Слова выходят сразу, одним дыханием. Не как текст — как выдох, который я держала весь вечер.

По нам будет плакать дождь
И зажгут свечу небеса
Мысли унесутся прочь
За нас молится луна
И в весенней тишине
Я не зову тебя

И громом взорвётся ночь
И заплачет от горя весна

Я даже не думаю, откуда это. Просто успеваю за собой — пальцами, пока не поздно. Пока в голове не включился тот голос, который умеет всё объяснять и отменять.

Пальцы не останавливаются. Внутри что-то сдвинулось — и пошло следом, уже без спроса, уже не красиво, а прямо.

Почему уходят любимые
А мы не возвращаем их
Мы ведь любовью гонимые
И в глазах застывает страх

Я пишу — и чувствую, как горло сжимается, будто я говорю это кому-то в лицо. Будто он рядом, Константин рядом, а я всё равно не поднимаю глаз.

Мы боимся сказать, что любим
Когда любовь сильнее нас
И себя от бессилия губим
Не в силах сделать первый шаг

Экран режет глаза. Я почти не моргаю. Лейла во сне шевелится, переворачивается — и я замираю на секунду, словно меня могли поймать не с телефоном, а с этим. С тем, что нельзя показывать даже друзьям.

Я нажимаю «сохранить» — не перечитывая. Потому, что

если перечитаю, испугаюсь собственных слов и начну их править, оправдывать, делать безопасными.

Телефон падает на простыню мягко, глухо.

Я ложусь и смотрю в потолок ещё несколько секунд. Капает вода. Комната дышит чужим сном.

А я — наконец — проваливаюсь в свой.

Свет в Линкольн-Парке влезает в комнату без спроса. Я просыпаюсь не резко — просто потому, что дальше спать уже не получается. Так, словно сон закончился, а сил на бодрствование не выдали.

Пахнет чистым бельём — плотным, холодным, как в хорошем отеле, — и вчерашним парфюмом, оставшимся на подушке.

Я спускаю ноги на пол и сразу наступаю на каблук.

— Чёрт.

Ногой отодвигаю туфлю в сторону, чтобы не убиться, и шагаю дальше. По комнате разбросана одежда. Мой наряд цвета брют валяется на кресле — холодная шампань, которая в темноте казалась роскошью, а утром выглядит чужой.

В гостиной тихо. Даже город за окном будто приглушили. На столике бокал, ключи, чек. Серьга блестит — маленькая точка вчерашнего вечера. Я беру её двумя пальцами, держу секунду, пытаюсь поймать хоть что-то: злость, стыд, смех. Ничего.

Кладу обратно. Аккуратно. Без жеста.

Поздравляю, Анжи. Ты только что проявила заботу. О серье. Отличный прогресс.

На полу стоят незавершённые работы Лейлы — портреты, лица в живых цветах. Один взгляд цепляет меня особенно: чуть поднятый подбородок, как у человека, который привык, что ему отвечают. Я прохожу мимо, не останавливаясь. Не потому, что не ценю — потому, что сейчас любое остановиться ощущается как лишнее усилие.

На белых простынях всё ещё спит Лейла. Одна бретелька розового платья сползла с плеча; ткань по краю чуть влажная. Кудри рассыпались по подушке тёмным облаком. Она спит слишком красиво — как после показа, даже в полном разгроме.

Я тихо иду в ванную.

Помещение темное: графит, чёрная плитка, стекло. В полумраке всё выглядит строже, чем есть, — как слишком правильный интерьер, который не умеет сочувствовать. Зеркало встречает меня безжалостно. Я останавливаюсь.

Отражение собирается из деталей: линия плеч, ключицы, тёплая кожа на фоне холодного камня. Шоколадные кудри падают на грудь. Свет — как в гримёрке, только без фильтров.

Я провожу рукой по щеке, по шее — ниже, к ключице: будто проверяю, на месте ли я. В зеркале — глаза, красные, чужие. Под ними расплзлась тёмная тень от вчерашнего макияжа. И главное — воздуха мало. Будто кто-то вышел и

унёс его с собой, не закрыв за собой дверь.

— Константин.

Имя ложится на язык тяжело — как что-то лишнее. И сразу становится стыдно: почему у меня перехватывает горло так, словно я впервые в жизни не знаю, что делать дальше.

Я же обычно в таких местах не теряюсь. Подбородок — выше, голос — ровнее. Правильная пауза. Правильная улыбка. Обычно этого достаточно — люди сами делают шаг навстречу.

А сейчас внутри пусто и тесно одновременно. Как в лифте, который застрял между этажами. Никакой опоры. Только эта глупая паника — липкая, постыдная — и мысль, от которой становится ещё хуже: я больше его не увижу.

— Да что это со мной — выдыхаю я в свое отражение.

Смотрю себе в глаза. Выпрямляюсь. Поднимаю подбородок — как перед выходом на сцену. Привычка, которая должна спасать.

— Соберись, Анжелика, — говорю в зеркало чётко, почти зло. — Ты не для того училась сиять, чтобы тухнуть из-за одного мужика.

Я открываю кран с ледяной водой и смываю остатки косметики. Лицо очищается. Глаза всё такие же припухшие — но во взгляде появляется упрямство. Злое и детское одновременно.

Вытираюсь полотенцем. Разворачиваюсь к двери.

— Лейла. Соня, просыпайся.

Из спальни — нечленораздельное мычание.

— Мне нужно убийственное платье, — говорю громче. —

И вино. Мы идём развлекать себя.

В ответ в меня с силой прилетает подушка. Лейла бросает её почти не целясь.

— Десять утра, Анжи, ты сошла с ума, — бормочет она, зарываясь обратно в одеяло. — Люди в это время пьют кофе, а не вино.

Я ловлю подушку, опираюсь плечом о дверной косяк и криво усмехаюсь.

— Кофе — слабый ход. Сегодня мы спасаем мою репутацию. Мне нужно платье, в котором Чикаго пожалеет, что вчера меня не заметил.

Лейла открывает один глаз, щурится, как будто примеряет мой тон на свет.

— О, — тянет она лениво. — Моя девочка вернулась.

Она садится на кровати: волосы спутаны, платье съехало на бок — и всё равно выглядит так, будто этот беспорядок был задуман.

— Ладно, — сдаётся Лейла. — Подберём тебе образ так, чтобы твой, как его там жалел, что не рядом и даже не в списке приглашённых.

— Он не заслужил даже упоминания, — отрезаю я.

— Тем лучше, — кивает она. — Значит, сегодня — только мы. Линкольн Парк, две сумасшедшие, одно разбитое сердце и платье короче компромиссов.

Она встаёт, идёт к гардеробу и распахивает двери.

Ряды платьев: плотный шёлк, стеклянный блеск пайеток, матовая чёрная ткань — как тень. Цвета и фактуры стоят ровно, как на рейле перед показом: маленький подиум в арендованной квартире.

— Так, Анжелика, — говорит Лейла, перебирая вешалки; тонкие крючки звенят о металл. — Сегодня ты не загнанная лань. Сегодня ты охотница. Скажи спасибо, что живёшь с человеком, который умеет собирать тебя обратно.

Я смотрю на себя в зеркало. Взгляд еще потухший — но в нем уже поднимается знакомый огонь, сухой и упрямый.

— Спасибо, Лейла, — шепчу. — Поехали.

Ресторан слышно ещё с улицы — не громко, а густо: посуда, голоса, барная музыка. Над входом спокойная вывеска: **Brasserie Étoile**.

Внутри тёплый свет и ровный, дорогой шум бранча. Здесь пьют мimosy и белое так же спокойно, как кофе. Вино в полдень никого не шокирует. Это мне подходит.

Я захожу первой. Клатч из матовой кожи ложится в ладонь тяжело и уверенно. Очки **Gucci** делают остальное: лицо — закрыто, правила — выставлены.

Каблуки отзываются глухо, когда я прохожу между столами. Я не ускоряюсь и не оглядываюсь — просто иду, оставляя людям секунду решить, можно ли на меня смотреть.

Лейла рядом, и я узнаю её не по лицу, а по звуку: мо-

лочный кардиган из мягкого трикотажа тихо трётся о голубую рубашку на шаге, а бахрома ковбойской сумки шепчет в такт.

На пороге она перехватывает ремень — одним движением уводит сумку назад, чтобы не задеть чужие стулья. Другой рукой подтягивает узел банта у горла: ткань скользит, и свет ловит холодный голубой тон. Коричневые клёш из плотной ткани расходятся при ходьбе и сразу собираются обратно — без складок, без суеты.

Она не оглядывается широко: коротко режет взглядом зал — вход, проход, свободные места. Подходит к хостес на полшага раньше, чем я успеваю остановиться, и говорит вполголоса; улыбка — точная, как сдача без мелочи. Пока мы ждём, Лейла перекачивает на запястье кофейный платок, прячет край внутрь — и через секунду лёгким касанием направляет меня левее, туда, где удобнее пройти.

Всё это занимает у неё пару секунд. Лейла не пытается впечатлять — она просто привыкла, что вокруг всё должно работать.

Хостес улыбается профессионально, но взгляд задерживается дольше положенного — на очках, на клатче, на том, как я держу паузу. Я это замечаю. Я всегда замечаю такие вещи.

Я выбираю стол у стекла — чтобы видеть вход и своё отражение. Лейла ставит сумку на стул и одним движением откидывает бахрому, чтобы не мешала.

Мы снимаем верхнее почти одновременно. Лейла стяги-

вает кардиган и аккуратно складывает на спинку. Я снимаю чёрное драповое пальто и вешаю так, чтобы ткань не заламывалась.

Сажусь медленно. Прохладная гладкая обивка принимает вес без лишней мягкости — комфорт, который не заискивает. Я одним движением разглаживаю подол: не нервно, давая возможность себя рассмотреть.

Теперь платью видно полностью — тёмно-фиолетовое. В тени почти чёрное, на свету — с глубиной, как у камня. Высокое горло держит линию. Узкие рукава в бисере ловят не блеск, а фактуру. По спине, вдоль позвоночника, идут маленькие пуговицы — стройным рядом, как подпись.

Где-то справа кто-то на секунду замолкает — и тут же разговоры возвращаются. Несколько взглядов цепляются и уходят. Я не ловлю их специально — просто отмечаю, как отмечают температуру в комнате.

Лейла наклоняется, будто спрашивает про меню, и шепчет: — Чикаго сегодня будет смотреть внимательнее.

Я не отвечаю сразу. Делаю маленький глоток воды и даю тишине сработать. Вчера этот город умел говорить «нет» — холодно, по-деловому, как будто у него есть на это право. Сегодня я пришла, чтобы он подбирал слова осторожнее.

— Мы так и планировали, — говорю я наконец и приподнимаю бровь ровно настолько, чтобы это было приказом, а не реакцией.

Кольцо из жемчужных бусин на пальце ощущается как

метка: всё под контролем.

Подходит официант:

— Могу предложить аперитив?

Я не открываю меню.

— Белое сухое, — говорю ровно.

И это звучит здесь нормально — как часть дня. Я провожу взглядом зал и снова возвращаюсь к входу. Я не наряжалась просто так. Я пришла, чтобы обо мне говорили — и разговор случился на моих условиях.

Я откидываюсь на спинку стула и смотрю в зал так, словно он принадлежит мне.

Потому, что сегодня — да.

Глава 8

Анжи

Неделя после той встречи с Константином прошла так, как кто-то взял мой вечер, вырезал из него звук — и оставил одну картинку крутиться в голове на повторе.

Я снова жила «как обычно». Потому что «как обычно» — единственное, что не разваливается, если держать лицо.

Вечерами — мероприятия с дресс-кодом «дорого и, как будто случайно». Свет вспышек, бокалы игристого: холодного, правильного, витринного. Шёлковые платья на тонких бретелях — те, что держатся на характере и хорошем белье. Острый мыс шпилек, на которых ты танцуешь так, словно стопа не сходит с ума. Тонкий футляр на цепочке — для карты, помады и иллюзии контроля.

Днём — универ. Факультет психологии. Люди с умным видом спорят про социальные структуры, а я сижу и думаю, как один человек за пять минут сумел перестроить мою личную систему координат.

И между всем этим я писала.

Текст начался в ту ночь и больше не отпускал: тянул за рукав, пока не выговорюсь. Я не делала трек. Я вытаскивала

из себя то, что застряло.

В студию я больше не приезжала.

Хотя пару раз почти собралась. Мы с группой договорились в пятницу после пар заехать и накидать демо — просто чтобы не выпадать из ритма. Я даже положила в сумку флешку и на автомате подкрасила губы тем самым движением, которое делает вид, что всё в порядке.

Но уже в такси, на красном, я вдруг представила дверь, сухой щелчок замка, коридор — и то спокойное лицо. И, как я захожу, улыбаюсь, а внутри у меня всё становится тонким и стеклянным.

Я написала ребятам: «Не смогу. Голова раскалывается. Давайте без меня».

Поставила точку — и сразу почувствовала стыд, точно со-врала не им, а себе.

Не потому, что не было времени. Потому, что мне было страшно.

Страшно столкнуться с Константином ещё раз — не из-за того что он мог меня обидеть или надавить. Наоборот. Он был слишком спокойный. Такие не повышают голос. Такие просто смотрят — и ты начинаешь бояться не его, а себя: как легко у тебя уходит почва, как быстро ты можешь потерять себя.

Ещё страшнее было признаться себе: влюбиться в мужчину с портрета — это не сказка. Это то, что случается с тобой без разрешения. И я умудрилась впустить это ровно в

момент, когда дверь закрылась за мной.

И Эд меня туда отвёз.

Эдриан Лойд — со своей собранностью, дорогими часами и лицом человека, который всегда знает, куда едет. Даже если везёт тебя в твой личный ад.

Я пыталась не думать — и, как обычно, это сработало идеально наоборот.

Потому, что Константин в тот вечер сказал «нет».

Не «давай позже». Не «я подумаю». Даже не «есть потенциал». Просто выключил — как кнопку сброс. Ты. Твои песни. Твой голос. Всё мимо. Ноль.

Я неделю жила так, словно мне отказали не в продюсировании — а в праве быть всерьёз.

Ребятам из группы я врала, конечно: «Пишу. Процесс. Скоро будет новый материал». Слова звучали уверенно — почти как пресс-релиз. Внутри была пустота и злость на себя за то, что я вообще туда поехала.

В тот вечер после Константина в комнате стало меньше воздуха. И теперь я изо всех сил избегала мест, где могла снова почувствовать это — себя маленькой, глупой и слишком живой.

Телефон не звонил всю неделю. Никто из тех, кто был там в тот вечер, даже не спросил, как я доехала. Никто не скинул дурацкую гифку — просто проверить, что я жива.

И в какой-то момент мне стало ясно: тишина тоже может быть решением. Тишина — это тоже выбор.

И именно тогда позвонил Джек.

Джек — соло-гитара. Не самый громкий, но тот, на кого смотрят, когда надо понять, как правильно. Спокойный, точный, без позы. Он почти не лез в чужие истории — поэтому его звонок был как щелчок света в пустой комнате.

— Анжи, привет. Ты правда в порядке?

В трубке был его чуть хриплый, тёплый голос, и я поймала себя на том, что опускаю плечи. С ним это происходило само — рядом наконец можно было не держать оборону.

Я хотела ответить нормально. Хотела пошутить. Хотела сказать: «Да всё супер, я просто устала». Но у меня не получилось.

— Да, — сказала я слишком быстро, почти автоматически.

Он помолчал. Не спросил «почему». Не потащил из меня подробности. Просто выдержал паузу — так, что стало ясно: он не поверил. И всё равно остался рядом.

— Окей, — тихо сказал он. — Слушай, если захочешь — просто напиши мне. Не про музыку. Вообще.

И потом добавил уже совсем спокойно, будто между делом:

— Я видел, как ты на сцене держишься. Ты сильная. Но это не значит, что тебе всегда надо держаться в одиночку.

Мне стало не по себе — от того, насколько точно он попал.

— Спасибо, Джек, — выдохнула я.

— Я не для «спасибо», — коротко ответил он. И вдруг,

как будто испугался собственной прямоты, смягчился: — Я просто не хочу, чтобы ты пропала.

И я отключилась первой. Не потому, что его слова ничего не значили. Просто, если бы он сказал ещё хоть одно тёплое слово — я бы сломалась прямо в коридоре между парами.

И да — Константин меня выбил. Но впервые за неделю мне стало ещё страшнее от другого: что одному человеку оказалось по-настоящему не всё равно. И я не выдержала даже этого.

Поздним вечером я сидела дома на подоконнике — широко, тёплом, деревянном. От радиатора поднимался жар и грел ладони. Под пальцами — гладкая поверхность со стёртым лаком: несколько царапин, несколько прожилок, как доказательство того, что время здесь тоже проходит.

Я водила ногтем по кругу — упрямо, механически. Казалось: если довести дерево до идеала, можно заодно стереть и эту неделю.

На мне были мягкие домашние штаны и растянутая толстовка — та самая, в которой я выглядела не девушкой с мероприятий, а человеком, который наконец-то перестал притворяться. Волосы кое-как собраны. Носки разные — смешная, честная деталь, которая почему-то успокаивает: дома можно быть несопадающей.

Телефон лежал на коленях. Я открыла чат с Эдрианом, набрала «Можно вопрос» — и стёрла. И не в первый раз.

За эту неделю я успела написать ему десяток разных сооб-

щений — длинных, злых, смешных, слишком честных. «Ты мог бы» — стёрла. «Мне надо понять» — стёрла. «Привет» — тоже стёрла, как будто даже это звучало унизительно.

Палец завис над отправкой — и меня накрыло раздражение. На себя. На эту потребность объяснять. На то, что мне вообще нужно чьё-то «честно».

Я закрыла чат.

За окном падал снег — ровный, красивый, как на заставке стильного фильма. Снежинки ложились так аккуратно, словно город кто-то стирал ластиком — небо, крыши, вывески, всё до мягкой белой чистоты.

Я дописывала строчки и делала вид, что они не про него. И не про меня.

Задаёшь вопрос — за что же.

Мы расстались, не поднимая глаз.

И слезу ты случайно уронишь —
ведь всё разбилось в прах.

А на улице — всё то же,
и мы там не нужны.

Я перечитала и поморщилась.

Слишком честно. Слишком «Анжи, ты серьёзно».

И тут — звонок.

Резкий. Громкий. Как кто-то в мою тишину бросил камень.

На экране: Эд.

Я зависла на секунду. Сердце, как всегда, решило жить отдельно от мозга.

После того вечера он не писал. Ни «доброе утро», ни своего привычного «как ты?». Тишина — плотная, выверенная. Такая, которую выбирают не потому, что всё равно, а потому, что боятся сделать хуже.

Я всё-таки ответила.

— Да.

— Анжи, привет. — голос у него был спокойный, но этот спокойный тон всегда означал одно: он держит себя в руках. — Я рад тебя слышать. Как ты? Куда пропала?

Он говорил быстро — как человек, который не уверен, что ему вообще дадут договорить.

— Учёбы много, — соврала я, даже не моргнув. — Завал.

— Понял. — короткая пауза, как вдох. — Тогда давай так: я еду за тобой.

— Эд..

— Нет, слушай. — голос нарочито расслабленный, но осторожный, будто боялся, что я сейчас просто сброшу. — Берёшь всё своё учебное: планшет, тетради что там у тебя. Поедем в кафе. Ты учишься, я работаю. Потом — кино. Или просто пройдемся. Давай, Анжи неужели ты по мне не скучала?

— Не скучала, — сказала я слишком резко.

И тут же предательски улыбнулась, как будто он мог меня видеть через экран.

— Ты сам виноват, — добавила я и попыталась звучать строго.

Получилось смешно. Потому, что строгость у меня сейчас была в дефиците.

— Я испуклю, — мгновенно выдал он. — Возьмём целый стол десертов. Такой, чтобы официант подумал, что у нас расставание, а не встреча.

Я не сдержалась и рассмеялась.

— Только ради десертов.

— Конечно, — серьёзно подтвердил Эд, и я услышала улыбку в его голосе. — Буду через тридцать минут. Не исчезай, Анжи.

Звонок закончился, а я ещё пару секунд смотрела на экран, как он мог объяснить мне, что вообще происходит.

Потому что да — я боялась Константина. Боялась снова оказаться рядом и опять почувствовать это мгновенное, глупое «влюбилась», от которого нет защиты.

Но ещё больше я боялась другого.

Что Эд всё чувствовал ещё тогда.

Что знал, как меня вынесет с первого взгляда.

И всё равно отвёз меня к нему.

Мне тебя не хватало, Эдриан Лойд. И ты просто сбежал тогда — оставил меня разбираться с этим одну.

Я снова посмотрела на строчки и дописала, почти зло — как подпись под собственной слабостью:

Ведь любовь никто не понял —
ни ты, ни я, ни мы.

И закрыла планшет.

Через полчаса мы с Эдом уже летели по зимнему Чикаго на чёрной Audi. Снег мелко искрил в свете фонарей, дорога блестела как стекло.

Эд сегодня был за рулём — в чёрных кожаных перчатках. Белая рубашка с чётким воротником, поверх — чёрная кожаная куртка: накинута небрежно, а сидит безупречно. В салоне работала печка: сухое ровное тепло обволакивало ладони и щёки, пальцы после улицы быстро оттаивали. Он смотрел на дорогу внимательно, и от снежных бликов его глаза казались хрустально-зелёными. В ухе коротко сверкнула маленькая серьга, поймав свет фонарей.

— Ну что, певичка, — сказал он и подмигнул. — Мчим к сладкому. И прибавил газу.

— Если ты нас не убьёшь до этого времени — я рассмеялась и крепче вцепилась в ремень безопасности.

— Не убью. Держись крепче, — подмигнул Эд.

В итоге мы устроились в маленьком месте с тёплым светом и витриной десертов. Через пару часов стол был завален тарелками с надкусанными пирожными и пустыми стаканами из-под колы. Мы смеялись непринуждённо и громко — так, что у меня выступили слёзы.

— А помнишь, — сказала я, вытирая щёки салфеткой, —

как ты впервые столкнулся с Лейлой?

Эд мгновенно поморщился, будто я нажала на старую рану.

— Не напоминай.

— Нет, напоминаю, — я начала хихикать заранее. — Ты ей тогда испортил вечер мечты.

— Я не портил, — сухо сказал он. — Я случайно организовал ей личную трагедию в кофе.

— Рассказывай. Официальная версия, — потребовала я.

Эд вздохнул и сдался:

— Я заехал за тобой на репетицию. Думаю: куплю Анжи кофе, она вечно на нервах. Купил. Поднимаюсь к вам — такой уверенный, красивый герой-спасатель с бумажным стаканом.

— Герой, — фыркнула я.

— Почти, — согласился он. — Подхожу к двери, и она открывается. И выходит Лейла.

Я сразу представила её: длинное красное атласное платье тянется по фигуре без единой складки, ловит свет каждым движением. Волосы собраны в тугую шишку — ни одной выбившейся пряди. Вся она — собранность и контроль, как перед выходом на сцену.

— Она почти выходила, да? — уточнила я, давясь смехом.

— Почти выходила на презентацию, — подтвердил Эд. — У неё картина была на выставке. Ей важно было всё: шаг, свет, воздух вокруг. А тут — я.

— А тут — ты, — повторила я и прикрыла рот ладонью.

— Мы столкнулись в дверях, — продолжил он. — Я шагнул вперёд, она шагнула вперёд, и я зацепился. Не знаю чем: порогом, ковриком, собственной самоуверенностью.

— Ты споткнулся, — напомнила я сладко.

— Я споткнулся, — смиренно подтвердил Эд. — И кофе, который я принёс тебе.

Он выдержал паузу.

— Улетел на неё.

— На красный атлас, — выдохнула я.

— На красный атлас, — кивнул он. — И не капля. Получилось так, будто я решил оставить автограф прямо по центру.

Я согнулась от смеха.

— И что она сделала?

— Сначала посмотрела вниз. На пятно. Потом медленно подняла на меня глаза, — Эд сказал тише. — И очень спокойно спросила: «Ты кто?»

— И ты ответил как нормальный человек, — я уже знала, что нет.

— «Эд», — признался он. И улыбнулся.

— Нет.

— Да. Автоматически. Как идиот, — он покачал головой. — А она повторила: «Эд». Запомнила так, будто внесла меня не в память, а в список: опасен.

— А потом вышла я, — добавила я, всё ещё смеясь.

— Да. Ты вышла, увидела платье — и у тебя в глазах было всё сразу: ужас, стыд и желание рассмеяться, — Эд посмотрел на меня обвиняюще. — Ты продержалась две секунды.

— Я пыталась, — защитилась я.

— И Лейла посмотрела на тебя и сказала: «Если ты приведёшь его ещё раз перед моими выставками — он начнёт верить в проклятия», — закончил Эд.

Я рассмеялась так, что на нас начали оборачиваться.

— Она гениальна.

— Она опасна, — поправил он. — И с тех пор меня не любит.

— Она не любила тебя ещё с бара, — сказала я, улыбаясь.

— Ты просто не прошёл её кастинг на «друга Анжи». Кофе только закрепил.

Эд фыркнул, но тоже рассмеялся — коротко, тепло.

И именно в этот момент — в обычной толстовке, джинсах и с пучком на голове из выбившихся кудрей — я вдруг почувствовала, как меня отпускает. Казалось, что внутри выключили тревогу. Мне отчаянно не хватало его рядом: его смеха, лёгкости, этого ощущения, что ничего не рухнет — и я на месте.

Эдриан полез в рюкзак и достал небольшую коробочку, завернутую в зелёную бумагу. Поставил на стол — мягко, будто боялся спугнуть момент.

— Я тут на днях увидел, — сказал он, как бы между делом. — И решил, что это тебе подойдёт.

Эд протянул коробочку. И я уловила запах от его кожи — тёплый, сухой, сандаловый; как нагретое дерево. На секунду он перекрыл и кофе, и сахар, и весь шум вокруг.

— Что это? — спросила я, но не дождалась ответа и открыла.

Внутри лежала подвеска из толстого стекла: в глубине — цветочные узоры, переплетённые ветки и листья. Всё мерцало красным и золотым, создавалось ощущение, что внутри заперли маленький закат.

— Эд, это так красиво, — замороженно прошептала я и провела пальцем по гладкому стеклу.

Эд посмотрел на меня серьёзно — редкий для него взгляд.

— Я знал, что это твоё, Анжи.

Я сглотнула, не зная, что сказать.

— А теперь попкорн, кино и объятия, — мгновенно вернулся он привычный тон.

— И объятия? — переспросила я.

— И объятия.

Я соскочила со стула и бросилась к нему. Эд обнял меня крепко — на секунду перехватило дыхание.

— Я прощён?, — пробормотал он мне в волосы.

— Только если ты меня отпустишь, — выдавила я. — Мне нечем дышать.

Он рассмеялся и ослабил хватку.

Фильм шёл где-то на фоне. Мы его не смотрели.

Вместо этого хохотали так, что нам пару раз шикнули, отбирали друг у друга попкорн и рассыпали полведра на липкий пол у кресел.

— Это ты начал, — шептала я, прикрывая рот ладонью.

— Это ты продолжила, — парировал Эд.

— Это ты вор.

— Я — куратор твоих вредных привычек, — важно ответил он.

По дороге домой Эдриан вдруг собрался: плечи ровнее, голос тише.

— Слушай. Приходи послезавтра на квартирник.

— Квартирник? — я подняла брови.

— У меня на новой квартире. Будут люди из наших: музыканты, фотографы, пара редакторов из журналов. Нормальная тусовка, без случайных. Анжи, это то, что тебе сейчас нужно. Тебе понравится.

У меня чуть не сорвалось: «А Константин там будет?» — но я вовремя прикусила язык.

— Эд, я не уверена — начала я.

— Ты не можешь это пропустить. Это твой шанс, — тихо, упрямо сказал он.

Я на секунду замолчала, глядя в темноту за стеклом.

— Хорошо. Я подумаю. И условие: если приду — то с Лейлой.

Эд коротко хмыкнул, без особой радости.

— С демоницей Лейлой — отлично. Надеюсь, она хотя бы

не сварит меня заживо. Не в котлете, — добавил он после паузы.

Я прыснула, и Эд тоже — уже легче, как будто напряжение выдохнулось в мороз.

Так мы и ехали обратно в Линкольн Парк: снег сверкал под фонарями, салон пах мягкой кожей и холодом снега на одежде, и между нами держалась та самая лёгкость, которую я боялась снова потерять

Глава 9

Константин

После того вечера Анжи исчезла.

Не стала реже. Не взяла паузу. А именно — исчезла из моего поля зрения так, будто её и не было.

White Studio не пустовал ни дня. Наоборот: там постоянно кто-то топал, орал, сбивал дыхание, включал музыку так, что дрожали стены. Репетиции шли по графику, как часы. Люди менялись, звук менялся, свет менялся — всё работало как должно.

Кроме одного.

Её не было.

Два дня подряд я ловил себя на том, что открываю камеры не потому, что надо проверить порядок. Мне нужно было увидеть одну конкретную точку в кадре — центр зала, где она обычно стояла. Глупая привычка, которая стала рефлексом.

На третий день я полез в другие залы.

Снизу вверх по списку. По времени. По сменам. Точно это расследование, а не моя собственная зависимость от картин-ки с искажённым углом и датой в углу.

Нигде.

Я щёлкал камеры, как каналы в поиске новостей: вдруг сейчас появится; вдруг просто задержалась; вдруг перепутала время. В какой-то момент поймал себя на мысли, что знаю расписание студии лучше, чем календарь собственных встреч.

Меня раздражали чужие силуэты. Чужие тела в её зале. Чужие связки пластики — паузы между треками, чужой смех, вода из бутылок, липкая еда из пакетов.

Первый зал — танцевальная команда: пятеро, форма одинаковая, двигаются ровно, как рекламный ролик.

Следующий — какой-то рэпер с двумя друзьями: стоят, спорят, размахивают руками, делают вид, что гениальны.

Ещё кадр — девчонки в легинсах и топах: хохочут, снимают сторис, достают воду, жуют что-то, от чего потом в зале остаётся запах.

А я сижу в своём графитовом офисе — стекло, тишина, холодный свет. Манжета давит на запястье, металл часов холодит кожу. Воротник держит горло — так же, как держит меня эта пустая точка в центре кадра.

Я делаю вид, что это контроль.

Хотя на самом деле это ломка.

Иногда я почти убеждал себя: ну и отлично. Она пропала — значит, всё вернулось на место. Так правильно. Так безопасно.

А потом — новый кадр, новый трек, новый человек в цен-

тре, где должна быть она, — и меня снова клинило. Не от ревности даже. От того, что мир посмел поставить туда кого-то другого и сделать вид, что так и было.

Я поймал курсор на поисковой строке и замер.

Адрес.

Её адрес я уже успел пробить — спокойно, буднично, как проверяют реквизиты подрядчика. Одна выписка, пара звонков, минут десять времени. Тогда это казалось рациональным: «на всякий случай». Сейчас — выглядело иначе.

Я представил, как сажусь в машину, ставлю точку на карте и еду туда просто потому, что не могу иначе. Как поднимаюсь на нужный этаж. Как стою у двери и слушаю тишину, убеждая себя, что я просто проверить.

И мне стало по-настоящему неприятно от самого себя.

Потому, что я вдруг чётко понял: если я сорвусь, я это сделаю. И остановит меня не совесть — время. Пробка. Звонок. Любая случайность, которая успеет встать между мной и этой дверью.

Я резко закрыл окно с камерами, словно оно могло выдать меня.

Эдриана, кстати, я тоже не видел. Созвоны — строго по делу, без лишнего.

Мы созванивались пару раз — сухо, как по чек-листу.

— Сдвигаем релиз на четверг, — сказал он во вторник.

— Сдвигай, — ответил я. На вдохе удержался. На выдохе всё-таки добавил: — И не еби мне мозг.

Пауза.

— Конст, ты норм?

— Норм. Дальше.

Он проглотил. И правильно: если бы он полез с «поговорим», я бы наговорил лишнего — такого, что потом не собрать обратно.

Злость не проходила. Она просто меняла форму. Становилась тише, плотнее — и от этого опаснее.

И я, как всегда, пытался утопить её в работе.

У продюсера нет будней. Есть бесконечный поток чужих хотелок, дедлайнов и денег — которые либо придут, либо ты снова окажешься виноват.

Понедельник,

9:00 — лейбл: почему падение на второй неделе.

10:00 — Константин Алексеевич: сведение; где бас и почему он мёртвый.

12:00 — площадка под клип: или вы подписываете сегодня, или слот уходит.

14:00 — юристы: в этой формулировке вы сами себя трахаете. Я отвечаю «понял» и не моргаю, потому что у меня нет роскоши моргать на чужие формулировки.

16:00 — бюджет: мы не оплачиваем вашу творческую необходимость.

19:00 — демки: двадцать файлов, из которых терпимый — один.

Я менял локации, как кадры: офис — машина — студия

— переговорка — ресторан, где я не чувствую вкуса еды — жевал автоматически, как функцию, потому, что всё равно думаю не о ней. Думаю о пустом месте в центре зала и о том, что пустота бывает громче музыки.

В среду я сорвался на проектного менеджера из-за тайминга, который правился одним письмом.

— Ты понимаешь, что ты мне сейчас ломаешь весь график? — сказал я, и голос у меня был слишком спокойный. Спокойствие хуже крика.

— Константин, там просто согласование задержали.

Я посмотрел на него так, что он замолчал сам.

— «Просто» — это у тебя в голове. В работе «просто» не бывает. Исправь. Сейчас.

Он кивнул — бледный, как лист. Я вышел. И уже в лифте понял: вывел меня не он.

Я злился на себя.

За то, что полез туда, куда не имел права лезть.

За то, что я вообще начал считать её — своей: взглядом, расписанием, камерами. За то, что теперь любой пустой кадр — не пустота, а её отсутствие, и от этого отсутствия меня выламывало так, будто внутри кто-то крутил ручку громкости до упора.

Без музыки. Без звука.

В четверг написала Клэр: ты сегодня дома.

Я посмотрел на сообщение как на уведомление от банка. Вроде важное, вроде про мою жизнь — а внутри пусто.

— Позже, — ответил я.

И поехал не домой. Поехал в офис.

Потому, что офис не смотрит на тебя так, как Клэр. Офис не спрашивает, что случилось. Офис не ждёт тепла. Офису нужны результаты.

А я мог быть только результатом.

В пятницу меня добило окончательно.

Я был в студии поздно — после очередного совещания, где взрослые люди час спорят, какого цвета должна быть обложка, словно это спасает музыку. Я зашёл на пять минут: проверить репетицию, администратора, дисциплину.

Конечно, на пять минут.

White Studio был забит людьми.

Группа Анжи.

Я узнал их сразу — по построению, по привычкам, по тому, как они начинают разминку: короткие команды, быстрые движения, минимум разговоров. Их стиль, дыхание, ритм.

И её нет.

Сначала мозг сделал вид, что это ошибка. Может, в раздевалке. Может, в туалете. Может, сейчас зайдёт — и я снова сделаю вид, что мне всё равно.

Я смотрел в кадр слишком долго.

Её не было.

Внутри что-то рвануло — резко, сухо. На секунду потемнело в глазах. Я сжал челюсть, зубы неприятно скрипнули.

— Блять, — сказал я вслух, хотя в кабинете был один.

Это была злость не как эмоция — как сбой. Так не должно быть.

Я нажал кнопку связи с ресепшеном.

— Константин — пролепетала Камила.

— Она пришла? — вылетело быстрее, чем я успел себя одёрнуть.

На линии повисла пауза.

— Кто?

— Анжи.

Она на секунду замолчала.

— Э нет. Уже неделю не видели.

— Понял.

Я отключил связь и остался смотреть в кадр как в тюрьму.

Они двигались. Музыка шла. Всё работало.

И именно это добивало сильнее всего.

Я поймал себя на мысли, от которой стало мерзко.

Она должна была остаться девушкой с монитора.

Потому, что монитор — это контроль. Там она моя фантазия, не человек. Там она не может исчезнуть. Там её можно включить.

А в реальности она пропадает — и мне остаётся только злиться, потому, что у меня на неё нет никаких прав.

Глава 10

Константин

Через пару дней позвонил Эд.

Я сидел за ноутбуком: сводил демки — резал дыхание, клеил такты, делал вид, что в мире есть порядок.

— Конст, привет. Надо встретиться. Проблема с Green Hills. Охваты падают. Сильно.

Пауза — короткая, но тяжёлая.

— Надо решать. Срочно.

Я потёр переносицу.

— Через час. В нашем баре. Отчёты возьми.

— Уже бегу, — легко сказал Эд и отключился.

Наш бар не был уютным — он был удобным. Полумрак, дерево, стекло. Свет мягкий: делает лица дороже, а намерения — нечитабельными. Музыка — ровно на грани: можно говорить вполголоса и всё равно остаться между строк.

Я сел в дальний угол, спиной к стене. Эспрессо. Вода.

Эд вошёл вовремя — и всё равно так, будто заглянул на минуту, мимоходом. Тёмное пальто без блеска, дороговизна без витрины. Телефон в руке — как часть ладони. Он бросил взгляд на мой пустой стакан и, не спрашивая, поставил ря-

дом ещё один. Сдвинул мой ближе ко мне. Забота или просто привычка, выработанная за годы дружбы.

— Ты опять сэкономишь на себе, — сказал он.

— Я не экономлю. Я работаю.

— Конечно, — Эд усмехнулся. — Ты ещё скажи, что это разное.

Он хлопнул меня по плечу — быстро, по-свойски — и сел напротив. Папка легла на стол ровно. Пальцы на секунду задержались на обложке, словно он держал не папку, а паузу.

— Цифры, — сказал я.

— Понял. Ты как всегда.

Он открыл папку и разложил распечатки так, будто мы не в баре, а в переговорке. Движения — стерильные.

— Смотри. Три недели: минус тридцать по органике. Рекламой держим, но это не рост — костыль. Плейлисты съезжают. ТикТок не тянет.

Я пробежал глазами графики.

— Это симптомы.

Эд кивнул и ткнул пальцем в одну строку.

— Вот диагноз: нас сняли с двух ключевых плейлистов. Без объяснений.

Он поднял взгляд.

— И в комментах пошла тишина. Не хейт — хуже. Равнодушие.

Я взял стакан. Пальцы сжали стекло сильнее, чем нужно. Внутри щёлкнуло — сухо, как защёлка на кейсе, который от-

кривали слишком много раз.

— Почему?

— Потому что они закончились, — сказал Эд так буднично, точно обсуждает погоду. — История отыграна. Новая не родилась. Они одинаковые даже для своих.

— И рынок их не ждёт, — резюмировал я.

— Именно. Пока они хорошие ребята с гитарами, другие продают нерв. А нерв сейчас берут охотнее.

Я отложил листы.

— Что делаем?

Эд сделал глоток воды. Улыбнулся так, как предлагает уикенд.

— Последний тур.

— Последний — это слово, которое печатаем крупно? — уточнил я.

— Да, — кивнул он. — Прощальный. Один раз. Финальная глава. Мы делаем из падения событие: касса, мерч, спонсор. Потом

Он выдержал паузу — ровно настолько, чтобы я сам договорил внутри.

— Потом тихий слив, — сказал я.

— Потом мы исчезаем из их жизни, — спокойно подтвердил Эд. — И пусть ненавидят кого угодно. Только не нас — публично.

— То есть мы их монетизируем до конца.

Эд чуть наклонился. Лёгкость на секунду стала жёсткой

— без злости, просто без тепла.

— Конст. Я не против них. Я за нас.

Он сказал нас так, как говорят люди, которые однажды выбрали друг друга вместо семей — и больше не играют в спасателей.

Я посмотрел на него.

— А если они откажутся, — сказал я, — и пойдут в публику? Начнут кричать, что мы их сливаем. Что мы их ломаем. Что мы токсичные.

Эд не моргнул.

— Тогда мы будем виноваты в их легенде, — ответил он.
— Но не в их банкротстве.

Он постучал ногтем по папке — сухо, как печать.

— Они пойдут в публику в любом случае, если им станет больно. Вопрос не пойдут или нет. Вопрос — когда и с чем. Если сейчас — у нас есть тур, деньги и формулировка. Если потом — будет минус, паника и их чистая истерика на весь интернет.

Он чуть наклонил голову, точно просчитывал не эмоции — последствия.

— Скандал они продадут так же, как песни. Только песню можно пережить. Скандал — нет.

Я молчал.

— Я не предлагаю быть добрыми, — сказал он тем же тоном. — Я предлагаю быть первыми. Мы закрываем это аккуратно. Для них — легенда. Для нас — финальный чек.

— Они подпишут?

— Подпишут, если дать им чувство выбора, — ответил Эд мгновенно. — Упакуем как ваше решение уйти на пике. Никто не покупает фразу мы падаем.

— Никто не любит правду, — сказал я.

— Зато любят легенду, — Эд щёлкнул пальцем по папке.

— Тур продаём не сетлистом, а моментом: ты был там, когда они закрыли историю.

Я снова посмотрел на графики.

— Сколько соберём?

— Если без романтики — три города железно sold out. Два — дождём промо. Спонсор есть: они любят прощания. Люди вообще любят чужие прощания — это дешевле, чем свои.

Он поднял глаза.

— Конст, мы не закрываем группу. Мы закрываем главу. Слышишь разницу? В первом — поражение. Во втором — контроль.

Я кивнул.

И поймал себя на том, что мне нравится это слово: контроль.

— План площадок. Смета. Контакты по плейлистам, — перечислил я. — Сегодня.

— Уже делаю, — Эд снова стал лёгким. — Видишь? Я не только красивый.

— Красивый — не функция, — сказал я.

— А должна быть, — усмехнулся он. И добавил тише,

почти лениво: — Ты бы видел лицо моего отца, если бы он услышал, что я сейчас обсуждаю бирки и лимиты вместо того чтобы тянуть семейный подряд хорошего адвоката.

Я не улыбнулся, но угол рта всё-таки дёрнулся. Слишком знакомая шутка. Слишком наша.

— И ещё — Эд не убрал папку. Наоборот, придвинул ближе, будто закрепляя решение. — Завтра у меня новоселье. Будут все наши.

— Все наши — это кто? — спросил я ровно.

— Индустрия. Продюсеры, редакторы, промо, бренды.

— Те, кто улыбается в кадре и не задаёт лишних вопросов вне его.

Эд хмыкнул.

— Ага. Все как ты любишь, — сказал он и подмигнул.

Подмигнул — и сразу выключил это лицо. Спина выпрямилась, подбородок поднялся, взгляд стал ровным и холодным.

— Слушай, Костя.

Мой отец произносил это имя только в одном случае — когда точка уже поставлена. Эд произнёс его так же. Значит, он уже решил.

— Говори.

— Там будет Анжи.

Кулаки сжались сами. Я понял это по боли в ладонях. Лицо осталось спокойным. Я сел ровнее — как на совете директоров.

— Дальше.

— Я её пригласил, — сказал Эд. Без оправданий. — Она талант. Да, сырая. Но талант.

Во рту стало сухо.

— Ты её первый заметил, — продолжил он быстрее. — И я не помню, чтобы ты вообще кого-то выделял. Обычно ты режешь по цифрам. А тут — нет.

— И что? — голос у меня был ровный. Слишком ровный.

Эд наклонился ближе — на полтона, не на шаг.

— То, что я ввожу её в круг. В общество. С тобой или без тебя. Она будет на пике.

Я коротко выдохнул носом.

— Ты решил за меня.

— Я решил за дело, — отрезал Эд. — Мне с тобой проще. Без тебя — сделаю. Просто дольше и грязнее. Но сделаю.

Я посмотрел на стол: бокал, вода, сахарница. Мир был слишком аккуратный — и от этого ещё сильнее хотелось что-нибудь нарушить.

Я не шевельнулся.

— Зачем ты мне это говоришь?

Эд не отвёл взгляд.

— Потому, что завтра будет старт. И ты сам понимаешь: одна она не останется.

Я провёл пальцем по холодному стеклу стакана.

— Я улетаю сегодня к отцу. В Нью-Йорк. — ровным тоном сказал я.

— Вернёшься завтра, — моментально бросил Эд, как заранее просчитанный маршрут. — Успеешь.

— Самолёт через три часа. — сказал я, и фраза легла между нами как граница.

Эд не отступил.

— Три часа — это если ты не хочешь. Если хочешь — ты можешь всё. Ты же Константин.

— Не играй со мной в мотивацию.

Эд усмехнулся, но улыбка не поднялась до глаз.

— Я играю в реальность, Конст. Завтра она будет среди тех, кто подписывает контракты, а не ставит лайки. И если тебя там не будет — её возьмут. Быстро. Спокойно. И условия выставят без тебя.

Я смотрел на него не моргая. Внутри поднималось — глупое, горячее. Я держал это привычкой.

— Ты давишь, — сказал я.

— Я двигаю, — поправил Эд. — Потому, что ты стоишь.

Он замолчал.

Я тоже.

— Я понял, — сказал я наконец.

— Тогда приезжай, — ответил он ровно. Уже не как просьба — как задача.

Я встал.

— Мне надо в аэропорт.

Эд поднялся следом. Мы оказались слишком близко для партнёров и слишком далеко для друзей.

— Завтра всё начнётся, — сказал он. — И я не поставлю это на паузу. Ни из уважения, ни из твоих причин.

— Отлично, — сказал я. — Делай.

— С тобой было бы чище, — добавил он напоследок.

— Со мной было бы под контролем, — поправил я.

Эд чуть прищурился — будто сверил попадание.

— Вот именно, — сказал он.

Я развернулся и ушёл.

Без красивых финалов. Только шаги, дверь, холодный воздух.

И ощущение: меня не приглашали.

Меня проверяли.

Глава 11

Константин

Через шесть часов мы с Клэр сходили с трапа в Нью-Йорке.

Воздух здесь был не городской — корпоративный: холодный, вымытый, как стекло в лобби отеля, куда попадают только те, кому положено.

У трапа стоял отец. Лично. Без охраны впереди, без помощника, без суеты. Просто он — и этот факт бил сильнее объятий.

Дело было серьёзное. Это означало одно. Меня сюда привезли.

Отец поцеловал Клэр в щёку и оглядел её так, как смотрят не на человека, а на деталь — как она встанет в общую картинку.

— Клэр, милая ну какая же ты красивая. Как моему сыну повезло с невестой.

Клэр улыбнулась ровно — чисто, выверенно. Как её пальто. И ответила мягко, не оставив ни миллиметра лишней эмоции:

— Спасибо, Алексей Игоревич. Вы, как всегда, любезны.

Они тут же ушли в гладкую светскую речь: дата, площадка в Нью-Йорке, сколько вариантов, надо подумать про цветы, летом будет жарко. Всё гладко. Всё безопасно.

На меня отец бросил один взгляд — быстрый, оценивающий, как сканер в аэропорту. Проверка: на месте ли, цел ли, управляем ли.

В Чикаго меня звали Константин. В Нью-Йорке — Костя. И это имя звучало не как уменьшительное, а как должность.

Через полтора часа мы ехали туда, где у людей нет соседей — только расстояния.

Манхэттен остался позади, как витрина. Дальше начались улицы, где тишина стоит дороже рекламы на Таймс-сквер: ровные газоны, высокие ограды, камеры в углах. Одинаково бесшумные машины. Одинаково спокойные водители. Район, где охрана здороваётся по имени, а курьеры не задают вопросов.

Вилла отца выглядела так, будто архитектор ненавидел слово «уют». Стекло, камень, линии — всё про статус и контроль. Свет внутри — тёплый, но не домашний: выставочный.

На ступенях нас встретила его жена.

Молодая. Слишком молодая — всего на пару лет старше меня. На ней был молочный кашемир, минималистичные украшения, волосы уложены так, будто это заняло час и не заняло ни минуты. Тонкая талия, точная осанка — всё на своём месте и ровно на ту сумму, о которой не говорят вслух.

Она улыбнулась мне мягко, словно мы ровесники на одной вечеринке, а не две детали одной и той же конструкции.

— Константин, рада, что вы прилетели.

Вы. Конечно. Здесь иглу подадут на фарфоре — так, чтобы ты поблагодарил.

Ужин собрали без шума.

Длинный стол. Тяжёлая сервировка. Еда безупречная — и почему-то пустая. Разговоры — благотворительность, контракты, фамилии, которые ничего не говорят обычным людям, но здесь превращаются в деньги и власть.

Клэр держалась идеально: смеялась ровно там, где надо, поддерживала тему, но не забирала воздух. В ней было качество «подходит» — как у часов, как у сумки, как у жизни, которую можно показывать.

Отец говорил мало. Смотрел ещё меньше.

Но я чувствовал его кожей: он не выпускал меня из поля — просто не тратил контроль на публичное. Публичное он отдавал Клэр, столу, правильным словам. Меня он оставлял на потом.

Я отвечал коротко. Пил воду. Считал секунды — как в ожидании вызова.

На десерте отец вдруг отложил приборы — спокойно, без звука. Разговоры вокруг не остановились, но воздух стал плотнее.

— Клэр, — сказал он так же вежливо, как называют сорт вина. — Вы удивительно точный выбор.

Клэр повернулась к нему, всё такая же ровная.

— Спасибо.

Отец кивнул — словно подтвердил собственные расчёты — и только потом посмотрел на меня.

— Дату закрепим на этой неделе, — продолжил он буднично. — И давай без импровизации, Костя. Свадьба — это не история про чувства. Это история про репутацию.

У Клэр не дрогнула улыбка. Только спина стала прямее — на полмиллиметра, но я увидел.

Я тоже улыбнулся — автоматически. Так, как учат делать люди, которых с детства держат на виду.

Потому, что в голове всё время звучало:

Завтра — старт.

С тобой или без тебя.

И я не мог решить, что сильнее: злость на Эда или страх, что он прав.

Я привык держать в руках проекты — большие, реальные. В Чикаго у меня не локальная сцена: артисты, которые стреляют по стране, продакшн, договоры, люди, площадки. Там сделки не на салфетках — там подписи, которые стоят миллионов.

Равенски в любом городе звучит одинаково громко. И в Чикаго я это имя не носил — я на нём работал.

Но сейчас ловил себя на другом: думал не о релизах и не о цифрах.

Думал о ней.

И меня от этого мутило.

После ужина отец встал и подошёл ко мне.

— Костя. На поговорить. Пойдём в кабинет.

«Костя» у него всегда звучало одинаково — не ласково, а прицельно. В Чикаго я мог быть кем угодно. Здесь я снова становился сыном. Должностью. Продолжением.

Кабинет был тёмный, плотный: кожа, дерево, книги, папки. Никаких личных мелочей. Здесь жили только решения.

Отец сел, не предлагая мне устроиться. Не давал расслабиться — принципиально. На запястье коротко блеснули часы: он поправил ремешок, отмечая время разговора.

— Я хочу передать тебе часть бизнеса в Нью-Йорке, — сказал он сразу.

Я не дёрнулся.

— Конкретнее.

— Основные процессы. Нью-йорский блок. Вход в ключевые сделки. Часть лейблов, которые держат рынок. Ты перестаёшь быть моим сыном с хорошими проектами — и становишься Равенски, который принимает решения.

Это было не про деньги. Про место в системе.

Я выдержал паузу.

— Я веду Чикаго, — сказал я. Жёстко. Без оправданий.

Отец кивнул — будто признал факт, чтобы тут же обнулить.

— Именно. Ты ведёшь — и ты справился. Поэтому теперь ты не ведёшь город. Ты ведёшь страну.

Я сжал челюсть.

— Чикаго — не игрушка.

— Я и не говорю, что игрушка, — спокойно ответил отец.

— Я говорю, что это периферия управления. А управление

— здесь.

Пауза. Он добил без повышения голоса:

— Ты переезжаешь в Нью-Йорк. С Клэр. Постоянно.

Вот оно. Не «курируешь». Не «летаешь». Не «разрываешься». Оставляешь. И у меня внутри — вспышка. Не из-за Чикаго. Чикаго я бы разрулил. Я умею разруливать. Меня выбило другое: «постоянно». И это спокойное «с Клэр», как это так было всегда. Как будто моя жизнь — тоже актив, который просто переводят в другой контур. А потом — мысль, от которой стало хуже: вместе с Чикаго придётся оставить Анжи. Не потому, что так надо. Потому, что так сказал отец — и это будет выглядеть как мой выбор. И — совсем не к месту — ударил её запах. Лёгкий, чистый, с тёплой горечью — и внутри всё сорвало. Сводило челюсть, в пальцах появилась дрожь. В голове — одна потребность: не вспоминать, а взять. Не думать, а присвоить. Так, чтобы она больше никуда не делась.

Отец посмотрел пристально.

— Что с тобой? — спросил он тише. — Ты сегодня не здесь.

Я заставил лицо стать пустым.

— Я здесь.

— Нет, — отрезал он. — Ты в Чикаго. И это плохо.

Он снова тронул часы — уже не поправляя ремешок, а просто касаясь пальцем циферблата, как точки контроля. И выдержал паузу — будто давал мне последний шанс быть взрослым.

— Я жду «да», Константин.

Молчание натянулось, как струна. Если я скажу «да» — подпишу себе жизнь по его схеме. Клэр в ней будет идеальной. Всё будет правильно. И всё — чужое. Если скажу «нет» — впервые ломаю отцовскую линию открыто. И это война.

Я не сказал ни то, ни другое.

— У меня срочные дела в Чикаго, — бросил я.

Слишком быстро. Слишком резко.

Отец прищурился.

— Какие?

— Завтра закрытие пакета. Если я не прилечу — сделку поведут без меня, — сказал я сухо.

Это было похоже на правду. И всё равно звучало как отговорка.

Отец помолчал. Потом кивнул — холодно.

— Возьмёшь самолёт. Но ты вернёшься. И мы закончим этот разговор.

— Посмотрим, — вырвалось у меня раньше, чем я успел отфильтровать.

Отец не повысил голос. Он просто стал ещё тише.

— Не посмотрим. Ты Равенски. Ты отвечаешь.

Я выдержал взгляд — и понял: сейчас я должен остаться и сыграть по правилам. И я бы остался, если бы внутри меня не горело то, что я не умею тушить.

Я ненавидел это чувство. Ненавидел, что оно сильнее дисциплины.

Я собрался быстро, без привычного порядка. Вещи ложились в сумку не как у человека, который контролирует, а как у того, кого несёт.

На лестнице столкнулся с Клэр.

— Ты уезжаешь? — спросила она.

— Да. Чикаго. Срочно.

Она посмотрела внимательно — так юрист смотрит на слово «срочно».

— Это правда про сделку? — спокойно спросила она.

Я выдержал паузу на долю секунды дольше, чем надо. Это и был ответ.

Клэр кивнула — без сцены. Но в её глазах что-то сместилось.

— Возвращайся, — сказала она тихо. Не приказом. Фактом, который ей нужен.

Я не ответил.

Самолёт отца был готов. Он всегда готов — потому что Равенски не ждут.

Я поднялся по трапу и сел. Когда двигатели пошли, внут-

ри стало легче. И сразу — злее. Легче бывает только по одной причине: я убегаю.

Нью-Йорк отъехал вниз. Красивый. Правильный. Чужой.

Я закрыл глаза на секунду и поймал себя на мысли: я не боюсь отца. С отцом всё понятно — сила, правила, цена. Там я всегда знаю, где граница.

Страшно другое.

Анжи — это не сделка и не риск. Это сбой. Это место, где мои расчёты перестают сходиться. Где я могу сделать шаг не туда — и уже не вытащить обратно ни себя, ни её.

И всё равно лечу.

Глава 12

Анжи

Небо было таким белым, что хотелось подписать его: чистый лист. Отлично. Как раз то, что нужно перед вечером, который явно собирается оставить на мне автограф.

Такси остановилось у новой башни: стекло, светлый камень, тонкие вертикальные рёбра фасада. Здание не обещало — оно утверждало. Как бренд, который продаёт не вещи, а право.

Лейла вышла первой. Лиловое платье — матовое, плотное, без единой лишней складки. Волосы уложены идеально, на руках тонкие перчатки. Не наряд — дисциплина. В ней было простое, неоспоримое: она здесь своя и никому не обязана это объяснять.

— Ну что, — сказала она, поднимая воротник пальто. — Представление начинается.

— Ты говоришь так, будто мы идём не на вечеринку, а на аукцион.

Лейла улыбнулась, но взгляд остался холодным, внимательным.

— Разница только в цене. Улыбайся. И никому ничего не

обещай.

Лифт поднял нас на последний этаж слишком быстро — словно здание знало: медлить нельзя. Двери разъехались, и на пороге уже стоял Эдриан.

Эд стоял так, точно свет выдавали ему ещё до входа. В голове щёлкнуло: камера включена.

И сразу — мысль: а сценарий дадут?

— Вот они, — сказал он так, словно ждал нас не по расписанию, а по ощущению. — Девушки, вы спасли мой вечер.

Он снял с нас пальто так галантно, что казалось это был ритуал допуска. Я заметила: несколько голов повернулись — быстро, синхронно, почти без интереса. Здесь такие вещи считывали мгновенно. Кого Эдриан встречает лично — это маркер.

Во рту стало сухо. Я замедлила вдох, чтобы грудь не выдала темп, и на секунду сильнее, чем нужно, сжала ремешок сумки — сразу отпустила.

— Анжи. — Эдриан наклонился чуть ближе. Голос тёплый, почти ласковый; улыбка — та же. — Не теряйся в толпе.

Он произнёс это так, будто толпа — среда агрессивная, а он отвечает за мою сохранность. И это прозвучало убедительно.

— Эд..

— Никаких «Эд». Сегодня ты — событие.

Лейла перехватила тон, как нож с чужого стола:

— А у события есть право голоса? Или ты уже всё распи-

сал по минутам?

Эд повернулся к ней с безупречной улыбкой — той, которой встречают достойного соперника. Не врага. Пока.

— Лейла. Ты как всегда: с порога — и сразу тестируешь прочность стен.

— Я тестирую не стены, — спокойно сказала она. — Я тестирую тебя. Тебе не идёт честность, Эдриан.

Они улыбались идеально — как два бренда, которые якобы дружат, но уже считают, кто кого вытеснит с витрины.

Эдриан чуть склонил голову. Вежливо. Даже красиво.

— Честность — его пальцы на долю секунды задержались на шраме-полумесяце. — Самый короткий путь.

Он взял меня под локоть — осторожно, как будто я хрупкая вещь. И ровно так, чтобы это заметили. Не хватка. Знак. Но знак, завёрнутый в заботу.

Поздравляю, Анжи: тебя только что внесли в интерьер.

Я почувствовала это кожей. Здесь не разглядывали — считывали.

Свет был тёплый, как янтарь: он не столько освещал людей, сколько отделял их от воздуха. Музыка не звучала громко — она шла словно из стен и ложилась под кожу, минуя уши. Пахло выдержанной древесины и цитрусом — как в месте, где всё продумано заранее, вплоть до того, что ты должен почувствовать.

Публика была тихой и уверенной. Вещи не кричали логотипами — они держали паузу. Матовые ткани ловили свет и

не отдавали его обратно. Украшения не просили внимания — они требовали узнавания. Часы — не для времени. Для тех, кто умеет смотреть не на циферблат, а на руку.

Я поймала себя на том, что стою слишком неподвижно, точно боюсь занять лишнее место в кадре. Сделала шаг — ровно настолько, чтобы выглядеть естественно.

И Эдриан был частью этого. Не украшением вечера — его центром, его управляющей точкой.

— Нормально? — спросил он, и в этом коротком слове было столько человеческого, что мне захотелось ответить честно.

— Да. Здесь красиво.

— Красиво, — согласился он. — Но не пугайся. Это всего лишь декорации.

Он произнёс это почти ласково — и я вдруг поняла: он не просто успокаивает. Он задаёт тон, в котором мне разрешено существовать здесь. Словно заранее заметил мой страх и перехватил панику на вдохе.

— Смотри на меня, — сказал он тихо, не меняя улыбки. — Я тебя проведу.

И мы пошли — как по тонкому льду, который снаружи выглядит зеркалом.

— Роуз, — он кивнул женщине с идеальным каре и лицом, которое не отдаёт возраст даже свету. На ней был гладкий чёрный жакет без единой лишней линии — вещь не дорогая, а уверенная. — У неё агентство. Она умеет делать лица.

Роуз посмотрела на меня так, как смотрят на новый проект: без любопытства, с расчётом. Я улыбнулась — коротко, чисто, на уровне воспитания, не опускаясь до согласия. Щёки держали форму, внутри всё стояло слишком ровно и слишком тихо.

— Линн, — дальше. — Она умеет делать людей.

Линн улыбнулась мне — лёгким движением губ, как отметкой в списке. Её взгляд прошёлся по мне и вернулся обратно, будто проверил бирку, которую не видно.

— А это Стэн, — Эд не ускорил шаг. Наоборот — дал паузу, чтобы имя осело. — Он умеет закрывать двери так, что ты не понимаешь, где именно тебя отрезали.

Стэн приподнял бокал. Приветствие — без участия. Внимание — без тепла. На его запястье мелькнул металл часов: не украшение, а печать.

И пока Эд вёл меня, я ловила обрывки — как иглы, цепляющиеся за ткань:

Свежая. Камера её любит. Кто её ведёт? Эд.

Это были вопросы не обо мне — о системе. О том, в каком месте её мне уже пытаются закрепить, пока я ещё делаю вид, что просто иду.

Эдриан улыбался всем одинаково — щедро, легко. Но пальцы на моём локте держали ритм, как дирижер держит оркестр: не грубо, просто так, чтобы музыка не вышла из-под контроля.

— Не бойся, — почти беззвучно сказал он, так словно мы

делили тайну. — Здесь любят новых. Сначала просто проверяют, насколько ты настоящая.

Я посмотрела вперёд — и увидела Лейлу. Она влилась в комнату без усилий. Без пауз. Без оглядки. Она не искала взглядов — она выбирала людей.

И в этот момент я поняла: это не вечеринка. Это смотрины.

Взгляды скользили по мне — не в лицо. По швам. Обувь. Осанка. Выдержка.

Стоять в центре — как сдавать экзамен молча.

В такие минуты лучше смотреть не на людей. На вещи. Вещи не просят улыбку в ответ.

У камина белело полотно. Почти пустое. Белое на белом. Я пошла к нему — как к точке, где можно дышать.

Тонкие линии. Как лёд, поцарапанный коньком. Не лезло в глаза — и поэтому тянуло.

У рамы — крошечная табличка. Я наклонилась. Прочитала — не понимая зачем: — Константин Равенски.

Эд оказался рядом мгновенно. Слишком близко — словно имя было сигналом.

— Да, — сказал он тихо. — Его. Ещё в колледже. Мы учились вместе.

На «вместе» он поставил точку. И сразу стало ясно: это не справка. Это ключ.

Взгляд я почувствовала сразу — воздух в комнате будто сдвинулся. Разговоры продолжались, лёд звенел в бокалах,

тянулась скрипка, но сквозь всё прошла одна ровная сила, от которой хочется выпрямиться и спрятаться одновременно.

Я повернула голову.

Константин стоял у входа в гостиную.

Не в центре — центр держался на нём. Вокруг люди смеялись и двигались, но рядом с ним оставалось аккуратное пустое место, казалось толпа сама знала дистанцию.

Чёрный костюм. Чёрная тишина. Лицо спокойное, собранное. Взгляд — холодный, точный.

И он смотрел на меня.

Тело предало первым. Пальцы нашли бокал на ближайшем столике — не чтобы пить: чтобы зацепиться за стекло, за его прохладу, за что-то реальное. Ладонь уже горела. Я поставила бокал обратно слишком аккуратно — так ставят вещь, которую нельзя ронять.

Платье — серебристо-белое — держало меня. Один шаг — и разрез по ноге открылся ровной линией. Я тут же изменила постановку стопы, закрывая её, и поймала себя: я не прячу. Я дозирую. Чтобы он видел — я знаю, где его глаза.

Константин не двигался. Не было нужды. Расстояние между нами сокращалось само — не метрами, разрешением.

Его взгляд прошёл по мне медленно: плечо, горло, вырез, тонкая линия ткани, которая повторяет дыхание. Я вдохнула тише, будто можно спрятать пульс. Пульс стал только громче.

Я подняла подбородок — щит. Плохой щит: открытая

шея. Кожа там вспыхнула мгновенно, словно к ней уже прикоснулись.

Он чуть наклонил голову — ни приветствия, ни улыбки. Только настройка. Как у музыканта перед нотой.

И в глубине комнаты скрипка вытянула высокий звук — ровно в то место во мне, где должно было быть «нет». «Нет» дрогнуло — и стало «ещё».

Я удержала его взгляд. Упрямо, почти зло — словно злилась на себя за эту реакцию и всё равно не отпускала. Отказ звучал как вызов.

Он смотрел так, верно знал меня не по имени, а по ощущению. Точно заранее помнил темп моих шагов, мой воздух, то, как я прячу вежливой осанкой желание сделать что-то неприлично честное.

Я коснулась заколки на затылке — проверка пучка. Лишь бы занять руки. Вышло слишком медленно. Рука поднялась, ключица открылась свету, и платье блеснуло на изгибе груди — холодно, как снег под фонарём.

У него дрогнула челюсть. На долю секунды — провал в его идеальной тишине.

Он не железный. Просто прячет огонь так, чтобы обжигались только те, кого он выбрал.

И тут ударило воспоминание — резко, как запах.

«Я не буду тебя продюсировать».

Сухо. Без обсуждений. Казалось он отодвинул меня от края — или столкнул, чтобы не стоять рядом, когда я полечу.

А сейчас смотрел так, словно решение можно переписать. Или повторить — уже другим способом.

Я поймала себя на движении — не к нему, а в его сторону. Полшага. Чуть ближе к центру поля, где воздух плотнее.

Где меня уже видят. И выбирают.

Он не пошёл навстречу. Он просто ждал. И от этого ожидания внутри всё сжалось — как от касания, которого ещё не было, но которое уже неизбежно.

— Он здесь, — выдохнула я.

Слова вышли не о факте. О приговоре.

Константин чуть прищурился. Услышал. Мой голос дошёл до него не через зал, а прямо под кожу. И он наконец сделал шаг.

Всего один.

Комната стала тесной. Люди, музыка, дым — стёрлись, потеряли вес. Между нами открылось что-то слишком прямое. Слишком голодное. Взаимное.

Он смотрел так, словно раздевал меня взглядом.

И самое страшное — я не отступила. Я стояла и позволяла.

Эд сместился в сторону — будто просто менял угол, чтобы поздороваться. Подошёл к Константину почти вплотную, но так, что в шуме вечеринки это выглядело естественно: два старых знакомых, пара слов, ничего особенного.

Он наклонился и сказал что-то короткое — как ставят точку.

Я не услышала.

Но Константин услышал.

Он застыл на миг. И этого мига хватило, чтобы у него изменилось лицо: не гримаса — щёлкнувшая внутренняя пружина. Скулы напряглись, челюсть стала жёстче. Взгляд — прямой, жёсткий, собранный.

Он медленно повернул голову и упёрся глазами в меня.

Словно в комнате больше никого не осталось.

Под рёбрами провалилось — горячо и страшно. Я могла отвернуться. Но не отвернулась. Стояла и позволяла этому взгляду разбирать меня по частям — спокойно, как по праву.

Константин пошёл ко мне.

Не подошёл. Не приблизился. Пошёл так, как идут к своему — без суеты, без сомнений. Толпа вокруг будто сама расступалась. Он не просил места. Он его занимал.

Константин остановился рядом — слишком близко. Я почувствовала тепло от его тела сквозь воздух, как от тёмного раскалённого металла. И сразу — другое: острое, почти унижительное желание сделать шаг к нему. Уткнуться. Сдаться.

И страх: если шагну — назад уже не будет.

Я подняла глаза.

Он не улыбался. В его лице не было ни флирта, ни игры. Только спокойная уверенность мужчины, который пришёл не знакомиться — забрать.

— Выпьешь со мной, — сказал он.

Не вопрос. Утверждение. Так словно это уже решено.

Я попыталась вытащить из себя что-то колкое — любое слово, которое вернёт мне контроль. Вышло тихо:

— С чего ты решил?

Его взгляд скользнул по моим губам и вернулся в глаза — медленно, тяжело. У меня онемели кончики пальцев, будто я держала не бокал, а напряжение.

— Потому, что ты не уходишь, — сказал он.

Я вдохнула глубже, заставляя лицо оставаться ровным. Внутри всё было слишком живым — кожа, дыхание, сердце.

Константин повернулся боком, отсекая меня от толпы своим плечом. Не касаясь — но вокруг нас сразу образовался узкий коридор, где чужие голоса стали дальше, а он — ближе.

И только тогда его ладонь легла мне на поясницу.

Не притянул. Не сжал. Просто положил — уверенно, спокойно, как метку: здесь.

Со мной.

Меня прошило снизу вверх. На мгновение ослабили колени — и я разозлилась на себя так же сильно, как захотела ещё.

Я не двинулась сразу. Страх держал меня на месте, как тонкий крючок под кожей.

Константин не усилил нажим. Не потянул. Он просто ждал — и это было хуже всего: он был уверен, что я пойду сама.

— Пойдём, — сказал он тише.

И я пошла.

Этот шаг ощущался как точка — короткая, внутренняя, без права на исправление.

У бара он даже не спросил, что я буду.

— Два, — сказал он бармену и назвал напиток — коротко, без колебаний.

Стекло звякнуло о металл, лёд щёлкнул — сухо и красиво. Свет над стойкой поймал его часы на запястье: тёмный ремешок, холодный блеск — вещь не для чужих глаз, и которая никогда не торопится.

Он взял бокал. Второй подал мне.

Наши пальцы встретились на секунду — случайно для всех, кроме меня. Его кожа была тёплой, уверенной. Я перехватила фужер крепче, как спасательный круг: занять руки, не потянуться к нему первой.

Константин не пил.

Он смотрел, как я держу бокал. Как поднимаю. Как делаю первый глоток.

Я вдруг почувствовала себя выставленной на свет — и одновременно спрятанной за ним же.

— Я не знала, что ты здесь будешь, — начала я и осеклась.

Он наклонился ближе. Настолько, что дыхание коснулось кожи у виска.

— Я знал, что здесь будешь ты, — сказал он тихо. — И этого достаточно.

Внутри всё сжалось. Возмущение поднялось — и не нашло выхода.

Он поднял руку и очень медленно коснулся невидимой пряди, словно убирал её с лица. Жест короткий. Точный. Взрослый.

Свет над баром скользнул по запонке на его манжете — тёмный металл без лишнего блеска, сдержанный до холодной точности.

Я застыла. Сердце ударило так громко, что мне показалось — это слышно.

Я не отстранилась.

И именно это напугало сильнее всего.

Константин убрал руку так же спокойно.

— Боишься, — сказал он.

Не спросил.

Я выдохнула, удерживая лицо.

— Нет, — соврала я.

Его взгляд стал темнее — без насмешки. Только внимание.

Он подался ближе ровно настолько, чтобы между нами осталось расстояние одного движения.

— Допивай, Анжи, — произнёс он спокойно. — И поедешь со мной.

И в том, как он сказал «поедешь», было главное: спорить внутри уже не получалось.

— Поедем на студию, — голос у него резко стал деловым, будничным. Словно обсуждали не меня, а его расписание.

Пауза. Короткая, плотная.

— Я не хочу оставлять тебя здесь, — добавил он тише. — Собирайся.

У меня всё внутри рванулось вперёд — не от согласия. От злости. От того, как легко он присваивал: достаточно назвать — и я уже его вещь.

И всё же я увидела ясно: если я поеду, это будет не свидание. Это будет игра по его правилам.

— Я не поеду с тобой, — сказала я как факт.

Константин на секунду замер.

— Причина? — слишком спокойно.

— Причины нет.

Я выпила до дна и поставила бокал так, будто вбила гвоздь. Стекло коротко звякнуло о стойку.

Он взглядом зафиксировал это движение. Как факт.

Глаза у него стали ледяными.

— Проводишь, — бросил он в сторону, не глядя на бармена.

И уже мне, почти без голоса:

— Вставай.

Я не двинулась.

Тишина вокруг проступила вдруг резко, выпукло — звук словно срезали, оставили один воздух.

Он наклонился ещё ближе. От него пахло холодом улицы, дорогим табаком и чем-то терпким, чистым — парфюмом, который не просит внимания, а забирает его.

— Не делай из этого сцену, — сказал он.

— Ты уже сделал, — ответила я и сама удивилась, как ровно.

И вот тут у него сорвало. Микросрыв, почти незаметный для чужих, но я увидела: щёлкнула челюсть, пальцы сжались — как если бы он держал себя за горло.

— Анжи, — произнёс он. И это было предупреждение.

А потом он сделал то, что делать нельзя.

Он взял меня за затылок — не сильно, но без выбора — и поцеловал. Резко. Коротко. Без попытки понравиться. Не поцелуй — отметина.

На секунду в ушах хлопнуло. Вкус вина стал металлическим.

Я вывернулась, ударила его ладонью по груди — не, чтобы больно, чтобы отлепиться — и отступила назад.

— Не смей, — сказала я тихо. Но в тоне было больше, чем в крике.

Он смотрел так, словно сейчас скажет, что-то окончательное. Потом моргнул — и собрал лицо обратно.

Поздно. Я уже шла.

Я вырвалась в коридор почти бегом, не оглядываясь, но слыша за спиной его шаги. Не быстрые. Точные. И от этого — страшнее.

Дверь в соседнюю комнату я распахнула плечом.

Там был камин. Люди. Тёплая полутемнота, разговоры вполголоса, бокалы, чьи-то тихие смешки — уединение, которое можно купить толпой.

Я буквально влетела внутрь, резко выдохнула и, не выбирая места, села у камина — ближе к огню, будто он мог меня защитить. Ладони дрожали. Я спрятала их в складках ткани на коленях и начала вертеть на мизинце маленькое сердечко — кольцо из жемчужных бусин. Крошечное, детское. Почти смешное. Единственное, что слушалось.

Через секунду дверь рванули.

Константин вошёл так, словно комната принадлежала ему, — резко, слишком широко распахнув створку.

И всё оборвалось.

Кто-то не донёс бокал до губ. Кто-то замолчал на полуслове. Разговоры не затихли — их выключили. Десятки взглядов легли на него. И почти сразу — на меня.

Он нашёл меня мгновенно — бешеным взглядом, точкой.

Я не отвела глаза.

Ни слова. Только вызов — молча, до конца.

Он стоял секунду. Две. Я видела, как ходит мышца на скуле, как он дышит ровно — слишком ровно для спокойствия.

И потом он сделал неожиданное: так же тихо, без демонстрации, прикрыл дверь.

Я услышала только его шаги в коридоре. Уверенные. Уходящие.

Огонь в камине потрескивал, как чужая жизнь. В груди жгло так, будто я выпила не алкоголь — искры.

— Ты хочешь идти за ним? — Лейла села рядом неожиданно; она тоже видела эту сцену. — Так чего ты ждёшь?

Я повернула к ней лицо. Хотела сказать «нет». Хотела сказать «пошёл он».

Но изо рта вышло только дыхание.

Лейла посмотрела на меня и всё поняла — так женщины понимают друг друга в самых слабых местах.

— Ладно, — сказала она сухо. — Тогда делаем по-взрослому.

Она уже доставала телефон.

— Лейла, не надо.

— Надо. Сейчас ты либо уйдёшь домой и будешь ненавидеть себя за то, что испугалась, либо закончишь эту историю так, как тебе нужно. Не как ему. Тебе.

Она показала экран и поднялась.

— Такси будет через минуту. Не благодари.

Я встала резко — ещё секунда, и я бы опять распалась. В коридоре кто-то сказал моё имя, но я не обернулась.

На улице ударила выюга. Снег летел в лицо плотными, злыми хлопьями. Мир стал белым и безжалостным, как чужое решение.

Я забежала в такси, хлопнула дверью — и только тогда смогла вдохнуть.

— Куда? — спросил водитель.

Я назвала адрес студии и сама услышала, как чуждо он звучит из моих губ.

Машина тронулась. Огни растекались по стеклу. Снег бил в лобовое; дворники отмахивались от него, как от назойли-

вых мыслей.

Телефон лежал в ладони. Тёплый. Тяжёлый — как доказательство.

Я могла написать. Могла позвонить. Могла отменить всё одним движением.

Я не сделала ничего.

Потому, что это уже не про просьбы. И не про «давай поговорим».

Это про то, кто кого ломает первым.

У студии было темно. Один фонарь у входа — жёлтый круг на снегу. На двери — матовый металл, на ступенях — тонкий лёд, который не прощает каблуков.

Вьюга швыряла в лицо крупу — будто специально, чтобы не думалось, а чувствовалось.

Я вышла. Подняла воротник пальто; пальцы в тонкой коже перчаток тут же занемели. Пошла к двери. Каблуки скользили, и каждый шаг был маленьким унижением: даже земля здесь не на моей стороне.

Вот дверь.

Вот звонок.

Я подняла руку.

И зависла.

Пальцы дрогнули в воздухе.

Секунда.

Вторая.

Внутри меня всё металось — без очереди, без логики.

Сначала — злость. Горячая, колкая: как он посмел. Как он вообще позволил себе.

Потом — стыд. Липкий, глупый: почему я не ударила сильнее, почему не закричала, почему не ушла раньше.

Потом — унижение. Не от его действий даже — от того, что я всё равно приехала.

А следом — хуже. Тише. Глубже.

Влечение.

Проклятое, телесное, безмозглое. Оно поднялось во мне волной — не спросило, не извинилось, не объяснило.

Я ненавидела себя за него.

Я помнила его ладонь на моём затылке. Не больно. Не грубо. Но так, как держат вещь, которую решили забрать.

Это должно было оттолкнуть.

А оно тянуло обратно.

Вот где было страшно.

Не в том, что он может сделать ещё раз.

А в том, что я могу позволить.

Я представила: нажимаю — и внутри щёлкает «всё, поздно». Дверь открывается. Он стоит там спокойный. Слишком спокойный.

Я говорю «нет».

И он улыбается этой почти незаметной улыбкой, от которой ясно: он услышал не отказ — вызов.

«Я хочу тебя», — сказала бы я себе честно.

И тут же — другое, страшнее: если я позвоню, я погибну

в нём. Не красиво. Не громко. Просто начну исчезать.

Сначала — в мелочах: в интонации, в том, как я начну смотреть на себя его глазами.

Потом — в решениях: «так лучше для карьеры», «так правильнее», «он знает».

Потом — в теле: моё «хочу» начнёт звучать его голосом.

И самое мерзкое — мне это может понравиться. Прямо сейчас.

Я стояла в снегу, как на краю. И этот край был не про мораль. Про власть.

Рука всё ещё висела над кнопкой.

Я почти нажала.

Почти — миллиметр.

И меня прошибло: если я нажму, я уже не смогу сказать, что это случайность. Что меня втянули. Что я не хотела.

Это будет мой выбор.

Осознанный.

И от этого стало понастоящему тошно.

Сжала пальцы в кулак, чтобы не дрожали.

Постояла ещё секунду, ловя дыхание.

— Нет, — сказала я вслух. Тихо. В снег. В пустой вход.
— Не сейчас.

Сделала шаг назад. Ещё один.

И только когда между мной и этой дверью осталось расстояние хотя бы двух движений, я смогла развернуться.

Я пошла прочь — не бегом. Не как жертва. Ровно, как че-

ловек, который отдирает от себя то, что хочет сильнее всего.

Снег бил в лицо, слепил, резал — и это было даже кстати: физическая боль удерживала меня в реальности. Легче не становилось. Только честнее.

Глава 13

Константин

Поехать в студию — это был предлог для Анжи.

Я не собирался. Но в итоге сам не заметил, как оказался в машине у входа. Злость, от которой сводит челюсть. На себя. На неё. Потому, что не моё. А я сорвался — попытался присвоить силой и проиграл. И от этого ломало больше всего.

Захлопнул дверь студии так, что эхо пошло по лестнице.

Пальто не снял. Даже не подумал.

Внутри было пусто, как в офисе после увольнений: чисто, свет холодный, всё на своих местах — и от этого только хуже.

Включил биты — неважно какие. Главное — чтобы било по башке.

Мониторы включились один за другим: вход, парковка, коридор, лестница. Я не собирался следить. Просто проверить. Привычка.

Картинка на входе — пусто.

Я уже потянулся закрыть, и тут в кадр вкатился тёмный седан. Остановился у тротуара.

Дверь.

Анжи.

Тело среагировало моментально. В груди стянуло. Челюсть сама сжалась.

Она вышла медленно, словно её сюда не тянет — тащит. Белое пальто, руки в карманах. Оглянулась по сторонам — коротко, без суеты.

Закрыла дверь мягко, без хлопка. Поправила рукав у запястья — маленькое, привычное движение.

Сделала шаг к двери студии и остановилась.

Пауза.

Взгляд скользнул по фасаду. По стеклу. По тёмному проёму входа. Ещё один быстрый взгляд назад — в сторону улицы, как проверка: можно ли уйти.

Она стояла в этом белом пальто ровно и собранно — без лишних движений.

Подошла к двери студии.

Встала близко, но не тронула.

Я стоял у стола и смотрел в монитор как идиот, который боится выйти из собственной комнаты.

Потому, что если я выйду — я не смогу держать себя в руках. Я это уже знаю. Я обещаю себе не трогать — и всё равно тянусь. Я не хочу быть таким, но в моменте мне плевать. В моменте я хочу, чтобы она была рядом и не дёргалась.

Анжи подняла руку к звонку.

И меня шарахнуло, будто кто-то ткнул током.

— Не смей нажимать, — процедил я сквозь зубы в экран.

Она стояла. Рука у кнопки.

Секунда.

Вторая.

Потом медленно опустила ладонь.

Не нажала.

Повернулась.

И пошла обратно к машине.

— Блять, — вырвалось у меня вслух, самому от себя неожиданно.

Я выдохнул — и всё равно сорвался.

Ноги включились раньше головы.

Я вылетел из кабинета в коридор почти бегом. Бас остался за спиной, но я всё равно чувствовал его в рёбрах.

Лестница.

Снизу уже тянуло ночным холодом. Я перепрыгивал ступени, как будто между мной и дверью стоит не бетон, а чья-то рука на горле.

Телефон завибрировал.

Я не достал.

Ещё раз.

Я и так знал, кто это. Даже по тому, как вибрирует: коротко, ровно, без истерики. Как приказ.

На выходе мне всё же пришлось вытащить телефон — он продолжал трястись в кармане, мешал.

Отец.

Звонок.

Я сбросил, даже не останавливаясь.

Сразу прилетело сообщение.

Я открыл его на ходу, прочитал — и как будто врезался в стену:

«Завтра 10:00. Передача пакета. Документы на тебя. Подпись. Видеоподтверждение у юристов. Клэр будет. Ответь: Подтверждаю».

Передача пакета.

Не встреча. Не разговор.

Пакет — как будто речь о коробке, а не о куске бизнеса, который тебе кладут на ладонь вместе с поводком.

Я перечитал ещё раз.

И отдельно — «Клэр будет».

Вот тут и стало ясно: это не про доверие. Это про фиксацию. Про то, чтобы всё было оформлено так, чтобы назад дороги не осталось.

У меня нога реально замедлилась на ступеньке. На полсекунды. Тело помнит, как это работает: сказал — значит сделал. Подтвердил — значит уже не твоя жизнь.

Я мог сейчас остановиться. Напечатать одно слово. Вернуться наверх, закрыть дверь, сделать вид, что никто не приезжал.

Но в этот момент мне была важнее — она.

Я всё равно вылетел на улицу.

Холод ударил по лицу. Асфальт блестел грязными лужами от тающего снега, фонари расплывались в воде. И почти тишина.

Машина Анжи уже тронулась.

Я увидел только задние огни — и всё. Без пауз. Без последнего взгляда в зеркало. Машина просто забрала её и исчезла, как так и должно быть.

Я дёрнулся следом: два быстрых шага, ещё один. И остановился.

Потому, что догонять задние огни — это уже не про неё. Это про контроль, который опять ушёл из рук.

Красные точки свернули за угол.

Конец.

И ударило не «она уехала». Ударило другое: я опять не сказал ни одного нормального слова. Не потому, что не успел. Потому, что я всегда выбираю не слова — давление.

Проще прижать, чем признать.

Телефон в ладони был тёплый, как чужая рука. В голове всплыло отцовское, ровное, без эмоций: завтра в 10:00. подпись. пакет. юристы. Клэр.

Я разжал пальцы. Потом снова сжал — чтобы вернуть себе тело. Выдохнул один раз. Коротко.

И набрал.

Без подготовки. Без «собратся». Просто нажал вызов, как нажимают кнопку лифта, когда уже поздно передумать.

Отец ответил сразу.

— Ты получил? — без приветствия.

— Получил.

— Подтверждаешь? — ровно, будто спрашивал, доставили ли товар.

Я глянул туда, где исчезла машина. Мокрый проезд. Чёрный угол. Ни следа.

— Подтверждаю, — сказал я.

Секунда тишины.

— Завтра без опозданий.

— Не опоздаю.

— Хорошо.

Связь оборвалась.

Я ещё секунду стоял с телефоном у уха, хотя там уже был гудок. Потом убрал его в карман и пошёл обратно.

Лестница вверх далась тяжелее, чем вниз. Не физически — внутри. Потому, что вниз я бежал за ней. Вверх возвращался туда, где всё равно всегда выигрывает порядок.

В кабинете бас всё ещё долбил, как будто ничего не случилось. Монитор входа показывал дверь. Ровный кадр. Холодный свет. Всё на месте.

Я подошёл к столу.

Стакан с водой. Ровно сложенные бумаги. Спокойный свет на стекле. Хромированная кромка стола. Всё вокруг было слишком чистым. Слишком правильным для того, что творилось внутри.

И меня переключило.

Ладонь сама хлопнула по столу — коротко, без размаха.

Стакан подпрыгнул. Вода плеснула на стекло и пошла к

бумагам.

Я схватил стакан, поставил ровно. Слишком резко. Пальцы скользнули — я чуть не уронил его снова. Вытер край стола рукавом. Быстро, зло, как будто стирал не воду.

— Твою, — сказал я тихо.

Не для красоты. Чтобы выдохнуть.

Документы не пострадали.

Это почему-то взбесило ещё сильнее.

Ровные листы. Сухие углы. Всё целое. Всё под контролем. Только не у меня.

На мониторе всё так же была дверь. Казалось, я всё придумал.

Я наклонился к клавиатуре, ткнул мышью. Открыл запись. Проверил таймкод. Ещё раз — чтобы не осталось этой гадкой лазейки: показалось.

Всё совпадало.

Я перемотал назад. Резко, почти со злостью, колесом мыши — словно мог докрутить время до нормального.

Ещё. Ещё.

И вот она.

Анжи стояла у двери. В белом пальто — слишком чистом для этой мокрой улицы. Пол-оборота, будто всё ещё решала: входить или нет.

Пальцы на тонком ремешке сумки. Плечи собраны. Линия подбородка жёсткая.

Она смотрела не в камеру — в сторону. Лицо спокойное.

Почти.

У меня внутри что-то холодно щёлкнуло.

Значит, не привиделось.

Я задержал кадр. Приблизил.

Увидел, как она на секунду поджимает губы — и отводит взгляд.

Она уже всё решила.

Я отмотал вперёд. Назад. Снова вперёд. Словно искал в этих нескольких секундах предлог: догнать, вернуть, отметить.

У меня дёрнулась щека. Челюсть сжалась так, что зубы начали болеть.

Хотелось ударить.

Не монитор. Не стену.

Ударить так, чтобы изнутри перестало колотить.

Я сжал край стола, пока костяшки не побелели, и заставил себя разжать. Медленно. По одному пальцу.

Как учат идиотов на курсах «управляй гневом».

Только это был не гнев.

Это была беспомощность, которая нашла себе форму.

Запах её остался.

Лёгкий. Чистый. С тёплой горечью — будто она стояла рядом и ушла на секунду раньше, чем надо.

От этого хотелось не говорить. Не объяснять. Не подбирать слова.

Хотелось сделать проще. Грязнее.

Нажать. Дожать. Поставить так, чтобы больше не исчезала.

Я взял телефон.

Почти набрал.

Палец завис над «вызов».

Секунда.

Ещё одна.

Я убрал телефон обратно — экраном вниз.

Чёрный экран лег на стекло стола.

Не сейчас.

Потом выключил музыку.

Не потому что мешала — потому что я не выносил, что она продолжает жить, как ни в чём не бывало.

Звук оборвался.

В кабинете стало тихо.

Я сидел неподвижно и слушал, как кровь бьёт в висках.

Не сердце. Именно кровь.

Сел ровнее.

Спиной к стене. Лицом к столу.

Руки положил на колени.

Не потому, что дрожали. Потому, что могли сделать лишнее.

Я выдохнул.

Коротко. Через нос.

И сказал вслух. Спокойно. Как приказ:

— Ладно. Значит так.

После этого стало проще.

Завтра я подпишу всё, что надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.